

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Лингвистическая экспертиза

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Экспрессивно-оценочный язык жителей русской усадьбы (на материале
творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина)

Обучающийся Д. А. Машарипова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель доктор филол. наук, доцент И. А. Измestьева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Художественный текст в лингвистическом аспекте ...	10
1.1 Художественный текст как объект лингвистического анализа ...	10
1.2 Художественный текст как лингвоисторический источник	20
1.3 Специфика экспрессивно-оценочной лексики в художественном контексте.....	27
Глава 2 Экспрессивно-оценочная характеристика персонажей в произведении «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина	35
2.1 Лексические средства обозначения эмоций в романе «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина	35
2.2 Семантические особенности диминутивов в речи жителей дворянской усадьбы.....	46
2.3 Функции оценочных значений лексем в романе «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина	55
Заключение	62
Список используемой литературы и используемых источников.....	66

Введение

В современном языкознании проблема функционирования экспрессивно-оценочных и эмотивных единиц в контексте художественного произведения представляется достаточно изученной, однако продолжает привлекать внимание ученых. Известны работы М. В. Головня [35], С. В. Марченко [68], С. И. Филипповой [101], Али Наджа Хасан [2], посвященные особенностям функционирования эмотивной лексики в творчестве А. Т. Твардовского, И. С. Тургенева, В. Шукшина, А. П. Чехова и др. Европейское языкознание также обращается к вопросам анализа языка художественной литературы. В работе А. Н. Lafta «A model of holistic linguistic approach analysis of a literature text» предлагается методология лингвистического исследования художественного произведения, основанная на трехэтапном анализе текста [113].

Художественный текст в настоящее время становится предметом анализа в рамках лингвистической экспертизы. Рассмотрение художественного текста как объекта судебного речеведения осложняется его специфической характеристикой: автореферентностью, двуплановостью, образностью. Основной проблемой, с которой сталкивается лингвист-эксперт при проведении исследования художественного произведения, является возможность множественной интерпретации текста, что препятствует проведению лингвистической экспертизы, цель которой – верификация данных. Установление факта языкового правонарушения в контексте литературного произведения необходимо производить, принимая во внимание его перлокутивный и иллокутивный компоненты. Применительно к лингвистической экспертизе художественного текста по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации решаются вопросы, связанные с ответственностью автора; степенью ассоциации героев произведения, в том числе автора, с реальными людьми; с проблемами интерпретации конфликтных ситуаций через призму филологической традиции [69]. При анализе художественной коммуникации в рамках лингвистической экспертизы по делам о противодействии экстремизму исследованию подвергается

преимущественно аксиологическая направленность текста, для чего применяется семантический и коммуникативно-прагматический анализ [43], [77].

Язык художественной литературы XIX века не может выступать предметом лингвистической экспертизы, однако изучение языка писателя, анализ эмоционально-оценочной лексики в контексте произведения XIX века поможет сформировать навыки применения метода семантического анализа текста. Этот аспект, с одной стороны определяет, актуальность настоящей диссертации. С другой стороны, целостного и системного изучения аксиологического «языкового» портрета писателя не представлено; отсутствует описание языковых средств экспрессивности и оценочности в романе «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Хотя творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина посвящены специальные исследования, освещается творческий путь писателя в трудах Ю. И. Айхенвальд [1], Т. А. Полякова [78] и др.; ряд трудов направлен на рассмотрение уникальности поэтики произведений автора в исследованиях М. С. Ольминского [76], А. С. Бушмина [21], А. И. Ефимова [39] и др.; изучается языковое мастерство М.Е. Салтыкова-Щедрина, например, в монографии Ю. В. Саввиной впервые предпринята попытка описания средств выражения оценочных значений в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина [82] и др.

Настоящее исследование направлено на осмысление проблемы функционирования эмоционально-оценочных языковых средств художественного пространства произведения «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Данный малоизученный аспект также определяет актуальность магистерской диссертации. Проведенный анализ позволит глубже понять особенности языка и стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина, расширить представления о способах отражения экспрессивности и оценочности в языке русской литературы XIX века.

Объектом исследования выступил эмоционально-оценочный уровень текста произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Предмет исследования составили языковые средства, которые организуют эмоционально-оценочный уровень в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Цель магистерской диссертации состоит в том, чтобы проанализировать экспрессивно-оценочные средства, отражающие типичные языковые черты жителей русской усадьбы (на материале творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина) с опорой на теоретические положения современной теории анализа языка художественного текста.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть теоретические положения лингвистического анализа художественного текста; обратить внимание на проблему осмысления текста как лингвоисторического источника;

- определить понятие экспрессивно-оценочной лексики в художественном контексте;

- описать лексико-стилистические средства выражения оценочных значений в романе «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина; выявить особенности отражения эмоционально-оценочного языка жителей русской усадьбы в анализируемом произведении М.Е. Салтыкова-Щедрина;

- дать характеристику семантическим особенностям диминутивов в речи жителей дворянской усадьбы в романе «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина;

- определить языковые особенности различных персонажей романа «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Методы исследования. Общей методологической основой исследования являются общенаучные методы теоретического и эмпирического познания: анализ и синтез, аналогия, описание, сравнение, а также лингвистические или литературоведческие методы исследования: функционально-семантическое и структурно-семантическое описание, метод компонентного анализа, этимологический анализ, стилистический анализ. Для выявления коннотативных

особенностей языковых единиц применялся анализ лексикографических дефиниций и словарных помет.

Методологической основой работы выступили следующие классические и современные источники: фундаментальные труды в области языкознания, посвященные лингвистическому анализу художественного текста (работы Л. Г. Бабенко [8], М. М. Бахтина [12], Н. С. Болотновой [16], В. В. Виноградова [23], И. Р. Гальперина [34], М. Я. Дымарского [38], Ю. В. Казарина [9], Л. М. Кольцовой [48], Л. А. Новикова [73], Ю. Н. Тынянова [98], Н. М. Шанского [104] и др.); способам выражения семантики и коннотации в значении лексемы (труды Н. Д. Арутюновой [6], Т. В. Маркеловой [67], М. В. Никитина [71], В. Н. Телии [94], В. И. Шаховского [105] и др.); работы по приемам выявления и описания имплицитного значения в тексте (А. И. Баранов [10], И. Т. Вепрева [22], В. И. Жельвис [40], И. А. Стернин [92], [93] и др.); изучению слов с экспрессивным и эмоционально-оценочным значением (работы Н. Н. Беловой [13], О. И. Блиновой [15], О. В. Загорюковой [42], В. Л. Каракчиевой [45], Н. А. Лукьяновой [65], Ю. В. Саввиной [82], А. П. Савиной [83], А. С. Стаценко [91], Т. А. Трипольской [95], В. К. Харченко [103] и др.).

Лексические и стилистические особенности изучения языка литературных произведений описаны в работах Т. А. Воронцовой [32], А. А. Гагаева и А. П. Гагаева [33], И. А. Измestьевой [44], Н. А. Купиной [54], Т. В. Маркеловой, М. В. Петрушиной [66] и многих других. В зарубежной лингвистической традиции вопросы изучения семантики, а также подходов к целостному лингвистическому анализу художественных текстов также актуальны, были проанализированы следующие работы: М. А. Holiday [111], J. E. Joseph [112], A. H. Lafta [113], M. C. L'Homme [114], Y. Yang, L. Luan, Simon de D., L. Bing, W. Jing, C. Qing [115].

На защиту выносятся следующие положения:

– Изобразительные возможности языка художественной литературы определяют образную систему автора текстов, замысел произведения, его идейно-

художественное своеобразие. Творческая индивидуальность писателя складывается из речевых средств, используемых для отражения художественной картины мира.

– Эмоционально-экспрессивная лексика, функционирующая в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина, отражает социальные коннотации текста, передает сатирическое разоблачение персонажей. Писатель обращает внимание читателя на значимые и ценные для развития общества стороны жизни. Система ценностей обуславливает эстетическую значимость произведения, его эмоционально-экспрессивную сторону и культурно-историческую значимость.

– Среди преобладающих экспрессивно-оценочных языковых средств образности язык М. Е. Салтыкова-Щедрина выделены диминутивы, которые выступают нередко доминантами текста и позволяют передать русское мировидение, отразить нравственные и этические идеалы русского человека, особенности русского характера. Специфика языковой картины мира М. Е. Салтыкова-Щедрина заключается во взаимосвязи лексических, фразеологических, словообразовательных средств выражения эмотивно-оценочных значений в негативном проявлении.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые:

– раскрыты особенности создания эмоционально-оценочных значений посредством лексических, фразеологических и словообразовательных средств;

– впервые системно проанализирована роль диминутивов в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина;

– выделены функции эмоционально-оценочных значений в тексте романа «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина;

– обоснован принцип употребления отрицательной и положительной семантики языка, отражающей индивидуальные черты идиостики и картины мира автора.

Теоретическая значимость настоящей работы обусловлена осмыслением существующих понятий о семантике экспрессивно-оценочных лексических

единиц, функционирующих в литературных произведениях, в частности на материале произведения «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания лексикологии и стилистики художественной речи, в курсах преподавания лингвистического анализа художественного текста, курсах по лингвистической экспертизе художественного текста, в научных семинарах по языку и стилю произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, в лексикографической практике составления словаря языка М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Апробация исследования. Материалы исследования были представлены в виде научных докладов на конференциях:

– Студенческие Дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция. Тольятти, 1-30 апреля 2024 года.

– «Молодежь. Наука. Общество»: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция. Тольятти, декабрь 2024 года.

– Студенческие Дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция. Тольятти, 1 апреля – 16 мая 2025 года.

Основные результаты исследования представлены в следующих публикациях:

– Машарипова Д. А. Бытовая деталь в романе «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина // *Advances in Science and Technology* : Сборник статей LVII международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 256-258.

– Машарипова Д. А. Лексико-семантические особенности языка М.Е. Салтыкова-Щедрина в романе «Господа Головлевы» // Студенческие Дни науки в ТГУ : научно-практическая конференция (Тольятти, 1-30 апреля 2024 года) : сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2025. С. 256-262.

– Машарипова Д. А. Семантические особенности диминутивов в речи жителей дворянской усадьбы (на материале романа «Господа Головлевы»

М. Е. Салтыкова-Щедрина) // «Молодежь. Наука. Общество»: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, декабрь 2024 года) : сборник студенческих работ / отв. за вып. С. Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2025. В печати.

– Машарипова Д. А. Функции оценочных значений в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Студенческие Дни науки в ТГУ : научно-практическая конференция (Тольятти, 1 апреля – 16 мая 2025 года) : сборник студенческих работ / отв. за вып. С. Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2025. В печати.

Структура магистерской диссертации подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Художественный текст в лингвистическом аспекте

1.1 Художественный текст как объект лингвистического анализа

Вопрос изучения языковых особенностей того или иного отдельно взятого текста художественной литературы не является в науке новым. Известно, что уже в середине XIX века члены императорской Академии наук при создании «Словаря Церковно-славянского и русского языка» обозначали необходимость исследования лексики писателей, внесших значительный вклад в развитие и обогащение русского языка: «Не полезно ли, прежде приступа к составлению его, издать лучших писателей наших и составить для каждого из них особый словарь» [85, с. 10-11].

В классическом понимании художественный текст как объект исследования воспринимается двуаспектно – через призму лингвистического или литературоведческого анализа. Традиционно утверждение о том, что «текст одной своей стороной повернут к литературоведению, а другой – к языкознанию, поскольку языковыми являются средства его построения, обеспечивающие связность, целостность, полноту, законченность, общую модальность» [86, с. 40].

Для литературоведения прежде всего интерес представляет поэтика художественного текста, его жанровая, композиционная структура, идейно-тематическое содержание. Для лингвистики – языковые средства, а именно характер их функционирования в тексте. Однако существует и другой вид анализа, лингвостилистический, рассматривающий образную речевую систему произведения. Он представляет собой «своеобразный «мостик» между лингвистическим и литературоведческим анализами: его объектом служит текст как «структура словесных форм в их эстетической организованности» [72, с. 22].

В свою очередь, синтез знаний в области языкознания, литературоведения и стилистики является филологическим анализом. По

замечанию Н. М. Шанского, в рамках филологического «многоаспектного анализа художественного текста лингвистический анализ выступает как исходная позиция филолога, первая ступенька настоящего познания литературного произведения» [104, с. 8]. Выделение основных принципов и особенностей лингвистического анализа художественного текста целесообразно начать с определения понятия *текст*.

В настоящее время нет единого закрепившегося определения текста. Это связано, в первую очередь, с многомерностью понятия, с междисциплинарным статусом текста. Все существующие формулировки делятся на два вида: первые из них – это сжатые, лаконичные, в некоторой мере условные изречения; вторые – объемные, развернутые, раскрывающие уникальные текстовые категории высказывания. Согласно определению, данному в Лингвистическом энциклопедическом словаре В. Н. Ярцевой, текст – это «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» [58, с. 507].

В следующих высказываниях ученых фиксируются основные черты текста: «Текст – это языковое выражение замысла его создателя» [60, с. 9]; «Текст есть функционально завершенное речевое целое» [57, с. 28]; «Понятие текста является категорией реального речевого процесса, т.е. категорией вербальной коммуникации, вмещающей в себя все аспекты и признаки речевого акта» [47, с. 32]; «Текст – сложное речевое произведение, имеющее многослойную и многоуровневую организацию» [9, с. 36].

Более обширное определение текста представлено у В. А. Лукина: «Текст – это сообщение, существующее в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связностью, содержательной целостностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структурой» [63, с. 5]. Приведенная формулировка подчинена логике усвоения текста. Как отмечает сам автор, читатель первоначально воспринимает знаки (как словесные символы), устанавливает связь между

ними (что, в совокупности, представляет цельность), а затем приходит к пониманию семантической составляющей. По мнению лингвиста, именно таким должен быть порядок практического исследования текста, конечным результатом которого становится его интерпретация.

И. Р. Гальперин выделяет прежде всего онтологические, функциональные отличия исследуемого понятия: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [34, с. 18]. Для И. Р. Гальперина (как приверженца текстоцентрического подхода в изучении текста) отправной точкой становится «признание его некоей сущностью, имеющей самодовлеющий характер», а также анализ уникального набора текстовых категорий и свойств, которые вмещены в рамки закономерного построения произведения [34, с. 9]. В дополнение лингвист отмечает, что к тексту (в согласии со всеми его характеристиками) нельзя приравнивать спонтанную устную речь, зафиксированную на бумаге, поскольку она дискретна и не имеет стабильности.

В концепции М. М. Бахтина проблема толкования текста как феномена является одной из центральных. Согласно определению, предложенному лингвистом, текст (письменный и устный) предстает «как первичная данность всех дисциплин и вообще гуманитарно-филологического мышления... Текст является той непосредственной действительностью, из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [12, с. 190]. Текст включен в пространство культуры, является в широком понимании нитью, связывающей прошлое, настоящее и будущее (именно так объясняется актуальность текстов, их вневременная сущность). Также одним из важных отличительных признаков

текста является наличие в нем как общепринятых знаков (с помощью которых выявляется текстовое значение), так и индивидуальных, закодированных смыслов (которые заключают в себе определенное скрытое содержание) [49, с. 129].

М. Я. Дымарский в работе, посвященной проблемам текстообразования и художественного текста в целом, формулирует следующее суждение: «Текст представляет собой системно-структурное образование, обладающее упорядоченной (иерархической) организацией, которая обеспечивается связностью – глубинной и поверхностной, локальной и глобальной, – что в итоге оказывается необходимым условием адекватной реконструкции получателем целого» [38, с. 33]. Данная формулировка выведена из идей десятков известных лингвистов, которые занимались проблемами текста как особого объекта изучения языкознания. Как специфическую черту текста М. Я. Дымарский отмечает его развернутую форму (способность вмещать в себя ряд составляющих, из которых состоит смысл), а также использование исключительно языковых средств в своем составе.

Приведенные трактовки указывают на то, что в лингвистике наиболее распространенным является взгляд на текст как на определенную систему, реализующую в себе весь спектр языковых единиц; составляющую целостный, завершённый речевой продукт; обладающую смысловой ценностью и уникальностью.

При рассмотрении особенностей художественного текста необходимо отметить его отличия от текста вообще. Каждый текст представляет собой знаковую систему, обладающую признаками, перечисленными выше.

Художественный текст имеет свои черты. Во-первых, действительность, отображаемая в художественном тексте, фикциональна, носит условный характер, имеет вымышленную и креативную природу. Соотношение с внетекстовой действительностью опосредовано, так как окружающий мир транслируется через призму восприятия автора. Зачастую граница между

вымышленным и реальным в художественном тексте расплывчата, нестабильна.

Во-вторых, художественный текст не имеет «случайной», лишней лексики (или, во всяком случае, автор стремится избежать ее). По замечанию Г. О. Винокура, в художественном языке «...вообще все стремится стать мотивированным со стороны своего значения. Все полно внутреннего значения, и язык означает сам себя независимо от того, знаком каких вещей он служит» [30, с. 132].

В-третьих, художественный текст – это всегда кодовая система, образуемая при помощи средств общенационального языка. Смысл текста может быть зашифрован в каждом уровне языка (в звуках, морфемах, грамматических формах, лексике, словосочетаниях или целых предложениях), за счет чего возникает особая целостность текста, мотивированная скрытым значением.

В-четвертых, все составляющие художественного текста неразрывно связаны между собой, каждая единица имеет семантическое сходство с другими, а между языковыми уровнями возникает изоморфизм.

В-пятых, художественный текст интертекстуален, диалогичен. Он может быть напрямую связан с другими текстами или содержать в своей повествовательной канве их значимые, считываемые элементы, слова, с присущим другому автору экспрессивно-стилистическим окрасом.

В-шестых, художественный текст всегда содержит скрытый смысл, неявную информацию, и потому вариативен и подвержен множественной интерпретации [48], [72], [96].

Традиция изучения языка художественного текста в русском языкознании складывалась постепенно. Вопросы функционирования изобразительно-выразительных средств литературного языка в определенную историческую эпоху рассматривали Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, А. М. Пешковский и др.

Вопрос о лингвистическом толковании художественного текста получил научное обоснование в 30-е г. XX века благодаря трудам Л. В. Щербы. Ученый полагал, что к настоящему методу изъяснения прозаических текстов должен привести «путь лингвистический, путь разыскания значений: слов, обертонов, ударений, ритмов и тому подобных языковых элементов, путь создания словаря, или, точнее, инвентаря выразительных средств русского литературного языка» [110, с. 27]. Под лингвистическим толкованием ученый понимал такую методику изучения художественного текста, которая соединяла бы в себе различные методы и приемы освоения текста. Целью такой синтетической методики является распознавание языковых средств, при помощи которых выражается идея и содержание произведения.

Иными словами, для изучения языка художественного текста необходимо учитывать все составляющие его компоненты, не только лингвистические и экстралингвистические, но и те, в которых заложены особенности структуры поэтического текста (образность, эстетическая и эмоциональная сторона, жанровая специфика и прочее).

Н. М. Шанский придерживался синхронического подхода в рамках лингвистического изучения художественного текста. По мнению ученого, первоочередным должно стать нахождение и анализ устаревших слов, то есть историзмов и архаизмов, а также любых лексем, которые для современного читателя являются незнакомыми или непонятными, окказионализмов, перифраз, ненормативных фонетических, морфологических номинаций: «В изучении языка художественной литературы приобретает такое большое значение лингвистический анализ, основанный на учете нормативности и исторической изменчивости литературного языка, с одной стороны, и четком отграничении и правильной оценке индивидуально-авторских и общезыковых фактов, с другой» [104, с. 21].

Лингвист также отмечал важность исторического фона произведения, семантики, которая была свойственна языку прошлого: «Особенно важным и первоочередным лингвистический анализ литературного произведения

оказывается тогда, когда художественный текст написан в прошлом веке или ранее и содержит в большом количестве не только поэтические инновации, стилистически или социально-диалектно ограниченные факты, относящиеся как к общему языку, так и к русской художественной речи XVIII-XIX веков. Совершенно обязательным здесь является уяснение семантических и стилистических свойств устаревших языковых явлений и всякого рода индивидуально-авторских новообразований» [104, с. 7].

Анализ такого рода текста должен быть особо тщательным, поскольку в нем могут присутствовать как естественные, так и «пустые» с точки зрения стилистики слова (конкретнее – архаизмы), что для современного литературного языка расценивается как нарушение словоупотребления. Превалирующей составляющей исследования должна стать объективность. Лингвистический анализ художественного текста должен быть непредвзятым, беспристрастным, исключая необоснованное толкование.

В. В. Виноградов подходил к рассмотрению языка художественного произведения с широкой филологической точки зрения, обходя узкое одностороннее только литературное или только лингвистическое изучение текста. В своем труде «О языке художественной литературы» (1959) ученый обосновал необходимость утверждения особой науки о языке художественной литературы, «близкой к языкознанию и литературоведению, но вместе с тем отличной от того и другого» [24, с. 4].

В работе «О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII-XIX вв.» В. В. Виноградов выдвигает положения, которые позже стали опорой для многочисленных исследований в области изучения единиц языка и единиц художественной речи:

– «В индивидуальном творчестве нередко раскрываются полнее и острее общие свойства и процессы языкового развития»;

– «Понятие языковой системы не только не исключает понятия об индивидуальной речевой системе, но, наоборот, предполагает его, так как сравнительное изучение ряда индивидуально-речевых систем лишь

содействует более глубокому и полному пониманию общей языковой системы в ее внутреннем движении и в ее внутренних противоречиях» [29, с. 161].

Вслед за В. В. Виноградовым Л. А. Новиков еще раз подчеркнет, что эта наука «является фундаментом лингвистического анализа текста как прикладной лингводидактической дисциплины, использующей принципы и методы этой науки» [74, с. 12].

Основные проблемы, принципы и методы изучения языка художественного произведения В. В. Виноградов изложил в ряде своих научных исследований, ставших фундаментальными для всей русистики [25] - [28]. Особое внимание ученый уделил корреляции семантики и словесного текста, особенностям грамматического строя, сфере образной речи и, как следствие, специфике речевого образа автора.

Основные постулаты концепции В. В. Виноградова могут быть сформулированы следующим образом:

– в художественном произведении слова не ограничиваются своим номинативным прямым определением, поскольку они подчинены общему идейному замыслу, обретают смысл эстетический, «обрастают» новыми значениями;

– в художественном произведении отсутствуют немотивированные слова, выбивающиеся из целостного семантического поля текста;

– грамматическая структура образов в каждом произведении сугубо индивидуальна (акцент может быть сделан на глаголы и/или глагольные конструкции, на субстантивы или адъективы);

– эмоционально-смысловая структура произведения создается «в сплетении книжных речевых форм с отражениями живого говорения» [23, с. 126], зависит от способности автора вместить в контекст «звучащую» речь, создать живую языковую обстановку на письме.

К середине XX века, после публикаций цикла статей Г. О. Винокура, изучение языка художественной литературы в качестве самостоятельного направления истории языка оформилось окончательно. Г. О. Винокур не

только устранил терминологическую неопределенность, возникшую среди понятий, но и провел «принципиальное разграничение грамматической зависимости синтаксической единицы в системе языка и внеграмматической значимости синтаксической единицы в речи (в поэтическом тексте)» [31, с. 32], что определило методологические основы рассмотрения художественного текста с точки зрения лексики, стилистики и лингвопоэтики.

Изучение языка и лексико-семантической сложности художественного произведения является актуальным и в настоящее время [41], [109].

В вопросах о теории языка художественной литературы большой вклад внесли труды Л. А. Новикова, который опирался на воззрения В. В. Виноградова. В работе «Художественный текст и его анализ» (1988) Л. А. Новиков писал: «Лингвистика текста, – понимаемая широко, – одно из магистральных направлений мировой науки о языке XXI в. ... Здесь смысл (собственно семантический, эстетический) коррелирует с текстом в целом, а не только с определенными его уровнями и единицами» [74, с. 9]. Поднимается вопрос о необходимости перехода от изолированного уровневого анализа к комплексному.

Изучение текста и его понимание должно быть синтетическим, базироваться на его целостности, на единстве всех категорий и формаций, из которых соткано произведение. В рамках структуры художественного текста лингвист выделяет следующие уровни:

– идеологический (культурный фон произведения, уже – исходная идея автора); жанрово-композиционный (средства, обеспечивающие единство и цельность текста, а значит, организующие художественную форму и соотношение литературного и словесного образа);

– собственно речевой (общность всех языковых структур, посредством которых передано содержание) [74, с. 15].

Каждый из уровней находит свое выражение в другом, поэтому ни один из них невозможно абсолютизировать.

Лингвист также отмечает прикладной характер лингвистического анализа и выделяет его некоторые дифференциальные принципы:

- язык художественного текст должен пониматься как особая форма эстетического видения действительности;
- обязательно синкретичное рассмотрение триады «идея-образ-язык»;
- необходимо учитывать адресность, текст актуален, пока есть читатель, который интерпретирует его;
- принципиально важно использовать конкретно-исторический подход, позволяющий отграничить нормативное словоупотребление от нестандартного [73, с. 21].

Также необходимо отметить, что языковые образы в литературном произведении имеют подвижную семантику. Контекстуальный смысл слова зачастую отличается от фактического или общепринятого, может даже быть ему противоположным (тем самым усиливается его значение), поскольку несет в себе эстетическую составляющую.

Л. А. Новиков в качестве основных приемов лингвистического анализа художественного текста выделяет следующие: целостный (филологический анализ) анализ; лингвистический комментарий (предполагает пословное пояснение затруднительных языковых явлений, зачастую с обращением к исторической составляющей); лингвостилистический анализ, в котором объектом является «преимущественно языковой уровень как таковой, но в нем открывается выход в композицию благодаря тяготению каждого стилистического отмеченного образа к другим», т.е. такой анализ направлен на поиск и объяснение речевых изобразительных средств, задействованных для воплощения замысла автора [74, с. 25].

Таким образом, лингвистический анализ художественного текста – это центральный, основополагающий метод в рамках филологического анализа. Предметом лингвистического анализа является весь языковой материал литературного произведения в его многообразии. Художественный текст является самодостаточным объектом, однако зависит от исторического фона,

от времени и обстановки создания, поэтому должен рассматриваться с учетом своей культурной природы.

1.2 Художественный текст как лингвоисторический источник

В качестве лингвистического источника может выступать любой языковой материал, в письменной или звуковой форме, обладающий определенным внутренним единством. В такого рода источнике обязательно присутствует соединение лингвистической содержательности (языковые данные, относящие текст к определенному говору/ диалекту/ наречию) и лингвистической информативности, которая представляет собой «определяемую условиями образования источника степень прямой или косвенной отраженности в нем лингвистической содержательности» [50, с. 11].

Главная задача лингвистического источника заключается в том, чтобы «...оживить омертвевшие остатки былой жизни и заставить их говорить о прошлом языком, понятным настоящему. <...> они раскрывают прошлую жизнь страны или народа – его быт, нравы, верования, правовые нормы, язык» [14, с. 200].

На необходимость лингвистического комментирования (с учетом истории и культуры) текста обращал внимание В. В. Виноградов в фундаментальном труде «О языке художественной литературы» (1959): «Изучение художественного произведения, его языка, содержания должно опираться на глубокое понимание общественной жизни соответствующего периода развития народа, на разностороннее знание культуры, литературы и искусства этой эпохи, на ясное представление о состоянии общенародного разговорного и литературного языка и его стилей в то время» [24, с. 171].

Применительно к настоящему исследованию особый интерес представляет лингвоисторический тип комментирования текста, который впервые был предложен Л. А. Лисиной в труде «Художественный текст как

объект лингвоисторического комментирования (на материале произведений И. С. Тургенева)» (2006): «Лингвоисторический комментарий представляет собой лингвистическое толкование слова или выражения с учетом культурно-исторического контекста» [59, с. 47]. Предметом такого вида комментирования выступает языковой материал текста с учетом его экстралингвистических, внеязыковых фактов, а объектом становится конкретное слово, которое является неясным или малопонятным для современного понимания.

Необходимо отметить принципы, по которым строится отбор лексики, которая требует лингвоисторического комментария. Все они обусловлены одним основополагающим положением – непонятность или малопонятность слов.

Во-первых, важным принципом является не столько причисление слова к разряду устаревших, сколько степень его устаревания (или значения). Так, хорошо известны слова *чело*, *уста*, *десница*, которые не требуют дополнительного комментария.

Во-вторых, следует обратить внимание на лексические единицы, которые уже имели тенденцию к исчезновению из активного состава языка XIX в. Такие малоупотребительные слова не вошли в состав толковых современных словарей.

В-третьих, необходимо проанализировать текст на наличие в нем слов, входящих в пассивный состав, а также слов ограниченной социальной и территориальной принадлежности.

В-четвертых, особенно интересны для лингвоисторического анализа окказиональные единицы. Такие лексемы, созданные авторским воображением, несут в себе особую, неповторимую смысловую нагрузку.

В-пятых, возможным практическим критерием отбора слов может служить их отсутствие или недостаточное для понимания контекста определение в современных и широко распространенных толковых словарях

(например, в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) в семнадцати томах) [59, с. 45-49].

В тексте художественного произведения непонятные и малопонятные слова многими исследователями оцениваются как лакуны [5], [18], [70], [88], [89]. В «Советском энциклопедическом словаре» (1987) под редакцией А.М. Прохорова содержится следующее определение лакуны: «В лингвистике и литературоведении – пробел, пропуск, недостающее место в тексте» [87, с. 696]. Такое же толкование дается и в «Толковом словаре иноязычных слов» (2006) под редакцией Л.П. Крысина [52, с. 424].

И. Ю. Марковина и Ю. А. Сорокин в широком смысле интерпретируют это понятие, относя к лакунам все языковые случаи, требующие дополнительного объяснения. Подобное понимание базируется на неразрывной взаимосвязи культуры и языка и позволяет, по мнению исследователей, выявлять более корректные с точки зрения лингвистики корреляции.

Ю. А. Сорокин отмечает: «...художественная литература может быть рассмотрена как совокупность совпадений и расхождений (лакун), требующих интерпретации и являющихся способом существования смыслов (реализуемых через представления), традиционно функционирующих в той или иной локальной культуре» [88, с. 123]. К признакам лакун авторы относят непонятность, неточность, необычность понятий, что совпадает с принципами, по которым отбирается лексика, требующая дополнительного лингвистического и исторического разъяснения.

В современном русском языке лакуны могут появляться при сопоставлении с его прошлым состоянием. Язык – подвижная система, в процессе его развития многие слова исчезают, пропадает потребность в том или ином понятии. Согласно мнению В. Л. Муравьева, ярким примером проявления таких лакун являются историзмы, слова, исчезнувшие из русского языка [70, с. 31].

Таким образом, хотя автор и современный читатель могут являться носителями одного и того же языка, из-за принадлежности к разным этапам развития языка возникает так называемая «временная дистанция». Некогда прозрачные смыслы утрачиваются, произвольно возникают текстовые лакуны, смысловые разрывы, требующие пояснений.

Для исследования художественного текста в качестве лингвоисторического источника значительно привлечение работ по языку того времени, в которое было написано произведение. Поскольку в настоящем исследовании особый интерес для анализа представляет художественный текст XIX века, целесообразно упомянуть фундаментальные работы (по языку, культуре и быту этого отрезка истории) и некоторые их основные положения, без которых невозможно составить полноценный лингвоисторический комментарий.

В первую очередь, принципиально важны в этом отношении фундаментальные труды по языку Л. А. Булаховского [19], [20]. Факты современного русского языка объясняются ученым через призму прошлого, комментируются особенности устной и письменной речи русского народа. Исследуется собственно лексика в диахроническом аспекте, типы лексики эмоциональной (бранной и грубой, аффективно-фамильярной, вежливой и почтительной), специально бытовой, абстрактной, приводится их наглядное выражение в текстах литературных произведений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и др.

Необходимо упомянуть труд «Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века» (1981), раскрывающий основные процессы развития языка указанного периода.

В первой половине XIX века отмечается тенденция к активному использованию слов иноязычного происхождения. Это объясняется тем, что русское высшее общество 20-30-х годов было тесно связано с культурой европейских стран (преобладающим было французское влияние), в дворянской среде было развито двуязычие, что обеспечило приток

иностранных слов в русский литературный язык того времени. В тексте это отражается через добавление иноязычного эквивалента к описываемому русским словом понятию. Такое дополнение дается зачастую в скобках и не является обязательным.

Происходит пополнение литературной лексики словами разговорной живой речи. В первую очередь, в текст произведений внедрялись экспрессивно окрашенные слова в той неизменной форме, в которой они использовались первоначально. Это были «разговорно-непринужденные слова, сниженный характер которых не выступает подчеркнуто резко» и эмоционально-оценочные слова, семантика которых содержит в себе оценку (в основном глаголы и существительные) [4, с. 59]. Широко употребляются незнаменательные слова, наречия, междометия, глагольно-междометные формы, ярко отражающие живую речь на письме.

40-60-е годы XIX века в языке связаны с кризисом дворянской культуры, слово становится социально-культурным достоинством: «В реалистических стилях литературно-художественной речи 40-50-х годов вся эта сфера смысловых форм почти отпадает. Для них главное в слове то, что непосредственно значит, его предметно-бытовая основа» [24, с. 333].

Отличительной особенностью развития литературного языка 70-80-х годов XIX века является процесс, который происходит в системе стилей: они разъединяются, дифференцируются, закрепляют за собой различные средства выражения, а на стыке стилей образуются новые значения. Активно обогащается лексический состав за счет словообразования, что, в свою очередь, также пополняет ряд стилистически-окрашенных единиц.

Исследование Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века» [90] содержит в себе описание закономерностей развития языка, раскрывает процессы изменения в лексике с учетом исторического и культурного фона. Большое внимание уделяется семантическим изменениям в лексике и проникновению просторечной лексики в литературный язык, ее стилистической трансформации. Здесь важно

отметить тот факт, что процессы в лексической семантике, переосмысление лексических единиц происходило не в собственно книжной сфере, не на литературной почве: «В литературном языке лишь отражались результаты сложившегося разговорного употребления» [90, с. 496].

Языковые изменения осуществлялись прежде всего в устной речи существовавших на тот момент социальных слоев населения – чиновники, дворяне (поместные и провинциальные), среда духовенства, военные, разночинные. У некоторых уже известных на тот момент слов (некоторые термины, кальки) появлялось расширенное значение. За счет понятной внутренней формы возникало вторичное осмысление, которое закреплялось за словом в качестве расширенной смысловой возможности. У других слов, малоизвестных, со скрытой внутренней формой, появлялась экспрессивная оценка. В основном это слова, пришедшие из группы просторечий.

Стилистической нормой становится намеренное совмещение предметных и обиходно-бытовых слов с книжными отвлеченными понятиями (такие как «спячка мозга» и т.п.), что пополняло коннотативный объем слов и расширяло границы их употребления. Активно происходит процесс «взаимного приспособления» лексем, а именно одновременного употребления разговорных выражений и церковнославянизмов. В прошлом общество было тесно связано с церковью, с духовенством. Из нравственных традиций, привитых церковью, складывались не только внутрисемейные отношения. С их помощью ограничивалась власть помещика над крестьянином, которая в период крепостнического быта была зачастую бесконтрольной. Соответственно, православное мышление отражалось в языке.

Полезно привлечение источников, разъясняющих исторические и культурные события, описывающих подробности уклада, образа жизни людей прошедшей эпохи. Применительно к настоящему исследованию, такими источниками являются следующие работы: Ю. А. Федосюк «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века» [99]; Ю. С. Рябцев «История русской культуры: Художественная жизнь и быт

XVIII-XIX вв.», «Хрестоматия по истории русской культуры: художественная жизнь и быт XVIII – XIX вв.» [80], [81], Ю. М. Лотман «Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)» [61] и некоторые другие [18], [51].

Полноценный лингвоисторический анализ художественного текста невозможен без привлечения лексикографических источников. Словари и справочники различного рода позволяют разъяснить неточности в происхождении и функционировании малопонятных или неясных слов, проследить историю устаревшего слова или определить его первоначальные значения. В первую очередь, привлекаются наиболее информативные с лингвистической точки зрения словари – толковые, этимологические и др. Вспомогательными для них становятся словари устаревших, забытых, редких слов, а также словари, составленные по языку конкретных авторов, например, «Щедринский словарь» (1937), составленный М. С. Ольминским. Они позволяют представить значение слова более широко, определить дополнительные контекстуальные коннотации. Также, поскольку в языке XIX века активно использовались слова иноязычного происхождения, целесообразно задействовать словари иностранных слов.

В дополнение, необходимо руководствоваться сразу несколькими источниками, сравнивать приводимые в них словарные статьи: «Лингвоисторический комментарий должен быть построен на основе синтеза, суммирования, обобщения данных нескольких дефиниций слова в толковых и специальных словарях XIX в., поскольку эти определения часто выделяют разные признаки денотата, а также описывают значение слова с разной степенью полноты» [59, с. 58].

Таким образом, художественный текст как лингвоисторический источник должен обладать лингвистической содержательностью и информативностью. При лингвоисторическом комментировании текста необходимо проводить анализ непонятных или малопонятных слов с учетом экстралингвистических факторов. В качестве вспомогательных источников

при лингвоисторическом комментировании текста необходимо привлечение трудов по языку, культуре и быту описываемой эпохи, а также справочных и лексикографических материалов.

1.3 Экспрессивно-оценочная лексика в художественном тексте

Понятия экспрессии, оценки, эмотивности и образности рассматриваются лингвистами в различных аспектах: как самостоятельные независимые категории, как категория лексикологии и фразеологии, как семантическая категория лингвостилистики, как объект лингвокультурологии [15], [64], [94], [106], [107].

В настоящее время в современном языкознании не существует единого общепринятого толкования перечисленных понятий. Однако, они пересекаются между собой, поскольку составляют ядро коннотативного значения языковой единицы: согласно словарю лингвистических терминов О. С. Ахмановой, коннотация – это «...дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов» [7, с. 198].

Эмоциональность и оценочность являются созависимыми, неразрывными категориями. По замечанию Али Наджа Хасан Али оценка «в современной лингвистике интерпретируется, прежде всего, как вербально выраженный результат оценочной деятельности индивида, то есть отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления оценочных сем «хорошо-плохо», расположенных по шкале оценок, имеющей зоны положительного и отрицательного», а эмоциональность «определяют как состояние, возникающее в процессе принятия решений об оценке воспринимаемых явлений действительности и их связи» [2, с. 17-18]. Таким образом, через отношение к предмету возникает цепочка «эмоциональность-оценка-лексическое выражение».

По своей природе оценка парадоксальна: оценочность в одно и то же время зависит от внешнего окружающего мира и не зависит от него. По замечанию Н. Д. Арутюновой, такая закономерность определяет природу оценки, ее мотив, который «не находится с самой оценкой ни в казуальных отношениях, ни в отношениях логического вывода ... между мотивом оценки и самой оценкой нет прямой связи, хотя они находятся в постоянном эмпирическом взаимодействии в сознании людей» [6, с. 180].

Экспрессия как свойство языка наблюдается на различных его уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом) и содержит в себе преднамеренное несоответствие языковым стандартам. Экспрессия лексического уровня заложена в самой семантике слова и «продиктована тематическим несоответствием производного значения слова производящему значению» [103, с. 69].

Лексическая экспрессия разделяется на языковую и речевую. В. К. Харченко обозначает приемы усиления экспрессии в пределах речи и языка. К речевым способам усиления экспрессии относятся:

- тематическое сближение, преднамеренная конвергенция методов оценки и собственно объекта оценивания (его характеристики);

- заведомое нарушение языкового стандарта, изменение объекта оценивания (использование в отношении неодушевленного предмета слов, обозначающих в прямом своем значении оценку человека).

Речевыми приемами усиления экспрессии являются:

- энантиосемия, то есть изменение значения слова на противоположное (смена полярности – лексема с отрицательным значением приобретает положительную характеристику);

- ироническое употребление слова;

- придание экспрессивного значения меры или степени (обусловлено уместностью употребления) [103, с. 70].

Большой вклад в изучение эмоциональности в языке внес В. И. Шаховский. В одной ранних работ, статье «Проблема разграничения

экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвистики» отмечаются дифференциальные признаки и функции экспрессии и эмоции: экспрессия отражает представления и в своем ядре содержит воздействующую силу (способна усиливать фразу, влиять на адресата); эмотивность же связана с чувствами и ощущениями, по своей структуре является частью семантической структуры лексемы, выражает оценку говорящего и его отношение к кому или чему-либо, а также соответствует коннотации слова. Автор отмечает, что под эмотивным компонентом лексического значения понимается «такая семантическая доля, с помощью которой языковая единица осуществляет свою эмотивную функцию» [106, с. 59].

В труде «Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии» В.И. Шаховский рассматривает проблемы вхождения эмоциональной и сопутствующей ей оценочной лексики в когнитивную лингвистику, коммуникативную лингвистику и лингвокультурологию, а также исследует проблему отражения эмоциональной лексики в художественной литературе. Лингвист отмечает, что именно язык служит инструментом в изучении человеческих эмоций, поскольку он выполняет важнейшие коммуникативные и ментальные проявления – вербализует и категоризирует. Согласно лингвисту, художественная литература влияет на формирование эмоциональной картины мира, поскольку «является депозитарием человеческих эмоций и через категориальные эмоциональные ситуации моделирует эмоциональный опыт индивида, социума, этноса, народа [107, с. 53].

И. В. Труфанова в монографии «Прагматика несобственно-прямой речи» рассматривает особенности репрезентации эмоциональной лексики с точки зрения речевых актов. По мнению исследователя, вся эмоциональная и оценочная лексика может рассматриваться в качестве эмотивных речевых актов способна классифицироваться следующим образом:

- эмотивы, которыми говорящие собственно выражают эмоции;

– эмоционально-оценочные речевые акты, в которых оценочный компонент является главным;

– речевые акты воздействия, при помощи которых адресант речи пытается повлиять на адресата [97, с. 205].

Также автор отдельно выделяет категорию «частных эмотивов», которые делятся на множество эмотивных речевых актов, каждый из которых выражает определенную конкретную эмоцию: «сколько эмоций выражается эмотивами, столько существует частных эмотивных речевых актов» [97, с. 208-209].

Оценочная лексика с семантической позиции условно делится на две большие группы:

– отрицательную (или пейоративную), которая репрезентируется с семами презрения, пренебрежения, неодобрения, негодования и проч.;

– положительную (или мелиоративную), которая реализуется посредством сем ласкательности, торжественности, одобрительности, поощрительности, утвердительности и др.

Наличие сем пейоративной или мелиоративной эмоциональной оценки доказывается «данными толковых словарей русского языка в виде соответствующих словарных помет» [3, с. 54]. Группу с отрицательной оценкой зачастую формируют лексемы с экспрессивно-оценочными стилистическими пометами (груб., вульгар., бран., пренебреж., уничижит., нецензур., презрит.) и функционально-стилистическими пометами (разг., жарг., прост., сниж.). К группе с мелиоративной оценкой относят лексемы с положительными эмоционально-оценочными пометами (книж., ласкат., почтит., одобр., уважит.).

Однако, здесь необходимо отметить, что утверждение о том, что все разговорные и/или просторечные слова имеют отрицательную эмоциональную оценку, а все книжные/ласкательные – положительную является неполным и некорректным, поскольку, по справедливому замечанию А. С. Стаценко, «нельзя преуменьшать значимость контекста в определении

отрицательности/положительности, эмоциональности/нейтральности, а также наличия в языках слов, в структуре которых уже находится эмоционально-оценочный компонент» [91, с. 10].

Группа с негативной оценочной лексикой более обширна, так как на экстралингвистическом уровне пейоративные эмоциональные оценки разнообразнее мелиоративных, «на языковом уровне это проявляется в том, что «репертуар» отрицательных оценок больше, чем «репертуар» положительных» [65, с. 118].

Подобную закономерность В. И. Шаховский отмечает также и в других языках: «... эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков в количественном отношении больше, чем с положительной, но употребляются они значительно реже, чем последние. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные системы разных народов и культур похожи, т.к. негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании» [107, с. 16].

Однако некорректно утверждать, что все уменьшительно-ласкательные слова имеют однозначно положительную оценку, а разговорные и просторечные – только отрицательную, поскольку лексемы сосуществуют в контексте, от которого находятся в прямой зависимости. Таким образом, справедливо утверждение о том, что «собственно стилистическая прикрепленность слов и их экспрессивная направленность представляют две различные характеристики» [108, с. 166].

По замечанию Л. Г. Бабенко, принципиально важным является «признание различия оценочного значения и оценочных структур нейтральной и экспрессивной эмотивной лексики, в том числе и образной» [8, с. 10].

Эмоция и оценка антропоцентричны: человек является центральной фигурой языка, а сопутствующее человеку эмоциональное сопровождение отражается в языковых знаках как объективно существующая реальность. Исследователь формулирует основной принцип, по которому должна

осуществляться классификация эмоционально-оценочной лексики: «...строгое соблюдение иерархии сем эмотивности разного ранга и иерархии зависимости их от вышерасположенных сем» [8, с. 62].

По такому принципу, можно выделить следующие классы эмоционально-оценочной лексики: грамматический (в основе сочетание категориальных лексических и грамматических сем, эмоциональная сфера жизни передается в пределах грамматических категорий); семантический (в основе сочетание категориальных лексических и семантических сем); денотативный (собственно категориальные семы эмотивности); дифференциальный; коннотативный.

Согласно О. В. Загоровской, на данный момент в современном русском языке можно выделить как минимум четыре категории лексем, в которых эмоционально-оценочная составляющая является основой семантики слова. Автор выделяет следующие группы слов:

– эмоционально-экспрессивные (в словах данной группы эмоциональность часто «стирает» другие компоненты в значении слова; в коннотации отражается эмоциональность, оценочность, а также стилистическая принадлежность);

– образно-экспрессивные (слова с яркой внутренней формой, образительные слова, номинативные слова и их семантические производные; в коннотации, вместе с эмоционально-оценочным компонентом, отражается категория образности);

– экспрессивно-стилевые (экспрессивно-оценочные слова, в которых особую значимость в семантической структуре имеет стилевая принадлежность);

– собственно экспрессивные слова (слова с семами эмоциональности/оценочности/интенсивности) [42, с. 17-19].

«Экспрессивно-эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки. Функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего

к называемому явлению, а следовательно, экспрессивностью (обычно через эмоциональность» [46, с. 222].

Согласно М. Н. Кожинной, в русский языковой фонд стилистических средств входят четыре группы эмоционально-экспрессивно окрашенных слов: 1) группа однозначных слов (в семантике таких слов содержится эмоционально-экспрессивный оценочный компонент, который не позволяет употреблять слово в другом значении); 2) группа многозначных, или «ситуативно-стилистических» (являются нейтральными в прямом значении, но в переносном приобретают оценку и экспрессию); 3) словообразовательная группа (стилистические коннотации таких слов возникают при аффиксации); 4) группа слов с исконной окрашенностью (оценочность и экспрессия связаны с исторически-сложившейся традицией употребления, напр. *взывать* (обращаться)) [46, с. 220-223].

По мнению А. П. Савиной, одной из важнейших единиц оценочной лексики является прагмема, в основе лексического значения которой заложена прагматическая оценочная ситуация. «Оценка-прагмема своими свойствами демонстрирует не только внешнюю организацию функционально-семантического поля оценки, но и внутренний механизм устройства системы, обозначая одновременно объект и его ценность» [13, с. 11].

Прагмема по своему значению автономна и наделена двойной оценочностью (сообщение + отношение): «Уникальность прагмемы как особой оценочной единицы в том, что она, с одной стороны, содержит в своем значении объект и его ценность (предикат), а, с другой стороны, сама является «свернутым» оценочным высказыванием» [83, с. 30].

А. С. Стаценко предлагает рассматривать эмоционально-оценочную лексику в качестве средства реализации речевой интенции. В первую очередь необходимо отметить, что анализ таких единиц речи сложен тем, что «класс эмоционально-оценочной лексики наиболее подвижен с точки зрения временных рамок, национальных, политических, социальных влияний и, как никакой другой языковой класс, подвержен влиянию контекста, то есть

появление окказиональных эмоциональных смыслов теоретически возможно допустить у любой языковой единицы» [91, с. 5].

Таким образом, обозначение образа человека и его речевая характеристика в литературном произведении является одной из проблем современной лингвистики. В художественном тексте эмоционально-оценочные лексемы, помимо характеризующей функции, приобретают уникальное художественно-стилистическое значение. В литературных произведениях, особенности лингвистического анализа которых были освещены выше, номинации персонажа получают особую значимость, а также выступают в качестве средства, репрезентирующего обширный комплекс определенных ассоциативных значений.

Выводы по первой главе.

При филологическом анализе художественного произведения лингвистический анализ выступает как ключевой и основополагающий метод. Объектом исследования становится весь языковой материал во всем его разнообразии. Художественный текст, будучи самодостаточным объектом, тесно связан с историческим контекстом, временем и обстоятельствами его создания, что требует его рассмотрения в контексте историко-культурной среды.

Лингвоисторическое комментирование текста предполагает анализ слов с учетом экстралингвистических факторов. В качестве вспомогательных средств при таком комментировании используются факты языка, культуры, быта и соответствующей эпохи, а также в качестве основных справочных материалов выступают лексикографические данные.

В современной лингвистике важной проблемой является изучение образа человека и его речевой характеристики в художественном тексте. Эмоционально-оценочные лексемы в художественном произведении выполняют характеризующую функцию. Каждая лексема обретает дополнительную, помимо своей основной, семантику и служит средством репрезентации обширного комплекса ассоциативных значений.

Глава 2 Язык жителей дворянской усадьбы в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»

2.1 Лексические средства обозначения эмоций в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина

Анализ своеобразия языка художественного произведения невозможен без взаимосвязи различных языковых уровней (лексического, словообразовательного, стилистического, семиотического и др.).

Среди множества концепций, предполагающих различные способы толкования художественного текста, нам близко направление, заложенное в трудах Л. А. Новикова. Это комплексный лингвистический подход к анализу текста, для которого «важен не сплошной анализ языка, который может отвлечь от главного, а избирательный анализ речевых доминант» [74, с. 30]. Существенным для данного метода «оказывается не обычное значение слова, свойственное ему в обыденном употреблении, а определенные оттенки его смысла, семантические «обертонны», эстетические приращения» [74, с. 22]. При помощи такого анализа выявляется, раскрывается контекстуальное значение, эстетическая значимость языковой единицы.

По замечанию В.В. Виноградова, «в композиции художественного произведения динамически развертывающееся содержание раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, разных стилей, синтезируемых в «образе автора» и его создающих как сложную, но целостную систему экспрессивно-речевых средств» [24, с. 155], поэтому в данном разделе ниже пойдет речь о средствах выражения эмоционально-оценочных значений на различных уровнях языка.

На фонетическом уровне в качестве средств выражения эмоций используется эмфатическое (или аффективное) произнесение гласных и согласных, сопровождающееся графическим выделением: *веллли-ко-лепно*;

прррощай, брат; у-уй-дди; у-ди-ви-тель-но; за-пре-щаю; прро-кли-ннаааю; кувыркoм, кувыркoм, ку-выр-кoм по-ле-тит.

Лексический уровень текста романа богат большим количеством слов с оценочным значением. Особое место среди них занимают агентивы, то есть, по определению Т. В. Маркеловой, слова, обозначающие «имя лица, характеристика которого отражает его действия и признаки и предназначена для реализации прагматических функций» [66, с. 74].

Согласно Т. В. Бахваловой, семное содержание агентивного имени выражает «то, что мы думаем об окружающих нас людях, о том или ином человеке», благодаря чему реализуется прагматическая функция агентива [11, с. 35].

Агентивы в романе имеют резко негативную природу, в словарях отмечаются пометами «разговорно-сниженное», «грубое», «бранное», «неодобрительное» используются для создания ироничного, местами саркастичного подтекста.

Наиболее частотными являются негативные оценочные агентивы. По семаническим признакам, содержащимся в номинациях, все агентивы можно разделить на следующие группы:

- зоонимы: *щенок, ворона, долговязый жеребец, змея, паук;*
- предикат действия: *головорез, кровопивец, потатчик, предатель, приживальщик, приживалка, проказники, подавальщик, ахало, сутяга, лгун, пустослов, шутовка, таранта;*
- собственно характеризующие и оценивающие (оценки-сублиматы): *балбес, бестия, ведьма, дурак, изверг, каналья, лысый черт, мерзавец, мытарь, нахлебник, негодяй, обуза, пария, пакостник, поганка, подлец, постылый, присный, фарисей, черт, шут, сума переметная, пария, холоп, бесстыдник, подлый, бесстыжий, распутная девка.*

Семантически данные лексемы содержат в себе исходные коннотации осмеяния, унижения, открытой неприязни.

В некоторых случаях встречается частотное употребление одного и того же агентива, выражающего негативную оценку интеллектуальных способностей в пределах одного высказывания (*дурак* – «бранно. Глупый, тупой человек» [17, с. 288]):

– *«А то и вижу, что вы меня за дурака считаете! Ну, и положим, что я дурак, и пусть буду дурак! Зачем же приходите к дураку? И не приходите! И не беспокойтесь!»* [84, с. 77];

– *«Вы на весь свет меня дураком прославили – ну, и дурак я! И пусть буду дурак!»* [84, с. 78].

Для М.Е. Салтыкова-Щедрина характерно использование «непрямых» агентивов – объект не наделяется оценкой напрямую, агентив встает в несвойственную ему позицию субъекта:

– *«А об Анниньке и Любиньке говорили прямо, что это – «они», что это – «из-за» них и что их тоже не мешало бы засадить в острог, чтобы подобным прощельгам впредь неповадно было»* [84, с. 276] (*прощельга* – «бранно. Пройдоха, плут, мошенник» [17, с. 1039]).

Автор использует и агентивы, наделенные положительной семантикой для традиционного употребления: *умница, голубчик, голубушка, милый/сердечный/добрый друг, откровенный мальчик, паинька, баринушка*, однако, в контексте приведенные лексемы приобретают насмешливый характер, гиперболизируют насмешливое отношение к оцениваемому объекту. Так, например, переносное ироническое значение получают лексемы *голубчик* – «ласково-фамильярное обращение к мужчине» [17, с. 216]; *паинька* – «разг. Послушный, благовоспитанный ребенок» [17, с. 774]:

– *«Да ты, никак, уж хоронить меня собрался! – сухо заметила она, – не рано ли, голубчик!»* [84, с. 97];

– *«Что, голубчик, попался к ведьме в лапы!»* [84, с. 30];

– *«...а я-то думал, что вы, маменька, паинька! Но Арина Петровна очень хорошо поняла, что Порфишка-кровопивец только петлю закидывает, и потому окончательно рассердилась»* [84, с. 43-44];

– «Все будет, коли вы будете паинька. А вот за это вы уж не паинька, что хворать вздумали» [84, с. 154].

Зафиксированы случаи создания автором формальной и смысловой избыточности с целью эмоционального усиления при помощи лексического повтора: «Гроб! Гроб! Гроб!» (встречается дважды в одной главе), «Нет! Нет! Нет!», «Прокляну! Прокляну! Прокляну!», «Съест! Съест! Съест!», «Поскорей! Поскорей!», «Нет никого! Нет никого!», «тарантас – мой! ... мой! Мой! Мой тарантас!», «Вы! Вы! Вы!» и др. Основная функция лексического повтора в тексте романа – сатирическая.

Особой выразительностью отличаются глаголы, придающие фрагментам особое значение, наделяющие предложение экспрессией, эмоциональностью, оценкой: *провираться* (ошибаться), *поопаситься* (быть осторожным); *доброходствовать* (в знач. сотрудничать); *дерябнуть* (в знач. выпить); *куликнуть* (в знач. выпить); *закатиться* (в знач. напиться), *очунеть*, *понтировать* (перен. идти пешком); *булькнуть* (в знач. выпить); *долбануть* (в знач. выпить), *дрыхнуть* (спать), *поскрипеть* (в знач. пожить) и др.

Одним из важных лексемных средств выражения эмоций являются междометия, в ядерном значении которых эмотивность (и экспрессивность) является единственным элементом.

А. С. Стаценко, отмечая важность междометий, предлагает классифицировать всю эмоционально-оценочную лексику следующим образом: к первой группе автор относит все собственно эмоциональные слова (в том числе слова с переносным значением, слова, наделенные как положительной, так и отрицательной оценкой и проч.); ко второй – междометия [91, с. 27].

В речи персонажей анализируемого текста междометия играют особую роль. Наиболее часто употребляемыми являются следующие: *ай, ан, атанде, ах, ба, батюшки, ишь, ну, поди, фу-ты, ну-ты, чай, чу, эхма*. Использование междометий облакает речь в народную форму, усиливает эмоциональную сторону высказываний.

Как значимые элементы художественной выразительности, междометия в тексте романа выполняют сразу несколько функций:

– создают эффект «живой» речи: *«Ну уж, ешь, ешь, богослов! И суп, чай, давно простыл!»* [84, с. 99];

– отображают эмоциональное состояние говорящего: *«Батюшки! Да, никак, еще под постный день! Постой, погоди! Сосчитаю! <...> Ну, так, так!»* [84, с. 198];

– подчеркивают иронический подтекст: *«Ах, брат, брат! Какая ты бяка сделался! <...> А-а-ах! Брат, брат! ... А-а-ах, грех какой!»* (последний разговор умирающего Павла Владимировича с Иудушкой) [84, с. 84].

Методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано более 300 случаев употребления междометий, которые были классифицированы в семантические группы. Некоторые междометия имеют конвенционно-обусловленное прагматическое значение, то есть их смысл не определяет контекст.

Всего было выделено четыре группы междометий, обусловленные семантическим значением:

– междометия, выражающие эмоции, или ситуационно-оценочные (*вот те на, фу-ты ну-ты, ба, батюшки, Господи, ишь, ишь ведь, эх, то-то же, ну-ну, эй, ах, ай, тьфу* и другие);

– модальные (волеизъявительные) междометия (*эй* – в значении обращения); *ну ка* (как призыв к прекращению действия);

– этикетные междометия (*спасибо, пожалуйста* и др.);

– звукоподражательные междометия (*цып-цып-цып!*, *хрр...хрр, кра! кра!*), в отличие от звукоподражательных слов, междометия, благодаря контексту, приобретают эмоциональную составляющую.

Автор романа активно использует такой риторический прием двусмысленной речи как антифразис – несоответствие прямого значения слова, словосочетания или целого высказывания его употреблению в контексте:

– «Огурчики-то еще хороши, только сверху немножко словно поослизли, припахивают, ну, да уж пусть дворовые полакомятся», – говорила Арина Петровна, приказывая оставить то ту, то другую кадку» [84, с. 46-47].

В данном предложении антифразис наблюдается на уровне отдельных лексем: глаголы с негативной семантикой *ослизнуть*, (согласно толковому словарю [75] – стать скользким, покрыться слизью, испортиться), *припахивать* (отдавать неприятным запахом) стоят в одном смысловом ряду с глаголом *полакомиться* (съесть что-либо лакомое, вкусное), что наделяет его пейоративной окраской. Таким образом, в рамках анализируемого контекста, глагол *полакомиться* актуализирует иронический подтекст предложения, в котором автор высмеивает отношение помещицы к окружающим, ее скупость и жадность.

Схожая модель антифразиса наблюдается в следующем предложении:

– «А я между тем по-родственному...на антресоли к брату поплетусь – может быть, и успею» [84, с. 83].

Вместо глагола *торопиться/спешить*, составляющим логическую связь с глаголом *успеть* (прибыть куда-либо в нужное время), употреблен его антоним *плестись* (идти медленно, вялой походкой), тем самым образуется семантически противоположная связь, указывающая на безразличность героя к ситуации, насмешливое отношение к ней.

Морфологическим средством, при помощи которого создается антифразис, выступает не только глагол, но и прилагательное:

– «Вот он идет за гробом, вот отдает брату последнее Иудино лобзание, и две паскудные слезинки вытекли из его глаз» [84, с. 79].

Прилагательное *паскудный* – «мерзкий, гадкий, отвратительный» [17, с. 758], отмеченное в словарях пометами «грубое», «бранное», «вульгарное», тесно взаимосвязано с существительным *слезинки* (жидкость, выделяемая по причине боли, глубоких переживаний), употреблено в уменьшительно-ласкательной форме. Столкновение двух этих

стилистически и семантически рассогласованных слов также является способом создания иронии, обличающего осмеяния.

Ироническому переосмыслению подвергаются не только отдельные лексемы в пределах одного предложения, но и целые цепочки предложений:

– *«Постой-ка, я лучше подушечку тебе поправлю! Иудушка встал и ткнул в подушку пальцем. – Вот так! – продолжал он, - вот теперь славно! Лежи себе хорошохонько – хоть до завтра поправлять не нужно!»* [84, с. 85].

Игра смысла создается за счет глагольного ряда *поправлю – встал и ткнул – лежи – поправлять не нужно*, образующего саркастичный тон всей описываемой картины. Восклицательная форма предложений также усиливает их содержательную сторону.

Скрытой языковой оценке подвергаются не только сами помещики, но и представители церкви:

– *«...в бога не верят, бессмертия души не признают...а жрать хотят! – Именно, только бы жрать бы да пить бы! – вторит отец благочинный, засучивая рукава своей рясы, чтобы положить на тарелку кусок поминального пирога»* [84, с. 98].

Абсурдность картины автор рисует за счет расхождения слов и поступков, выраженных цепочкой *жрать бы да пить бы – вторит – засучивая рукава, чтобы положить кусок*. Переосмыляется и традиционное понимание лексемы *благочинный* (приличный, благопристойный; старший священник):

– *«Жида – пакостники, – отзывается отец благочинный, – их за это свиным ухом дразнят <...> – и татары тоже пакостники – вот и причина»* [84, с. 99].

Акцент, который сделал автор при помощи неоднократного упоминания должности представителя духовенства, гиперболизирует несостоятельность речи героя. Благодаря такому приему обнаруживается несоответствие формы содержанию: употребление *благочинным* (благопристойным) *отцом*

сниженных, грубо-оценочных выражений *жиды* (презрительное, бранное название еврея) *пакостники* (вредитель), *татары-пакостники* несет под собой сатирическое разоблачение священника, отражает его моральную и духовную бедность.

В тексте романа также одним из средств, репрезентирующих эмоции, выступают обращения. Согласно структурно-семантической организации русского языка, обращения причисляют к синтаксису, хотя, по своей природе, они не являются в традиционном понимании предложением, словосочетанием или словоформой.

Вслед за Н. И. Формановской, мы рассматриваем обращение как речевое действие, которое «принадлежит широкой зоне речевого этикета, поскольку с помощью такой единицы устанавливается и поддерживается речевой контакт с собеседником, регулируются представления о ситуации общения в целом и о ролевых позициях партнеров, их социальных и личных взаимодействиях» [102, с. 86].

Необходимо отметить, что употребление той или иной номинации напрямую зависит от роли адресата в понимании адресанта. Также обращение способно одновременно отражать и мотив, и цель говорящего. Реализуемые речевые ситуации заданы через прагматические координаты «я – ты – здесь – сейчас», то есть указывает на модальность субъекта и объекта, а также место и время.

Наиболее часто в качестве обращений используются лексемы *друг*, *дружок*, *голубчик*, *голубушка*. Показатель частотности имеет значимость при описании исследуемого материала, так как помогает отобразить словоупотребительную активность той или иной лексемы.

Для более наглядного представления анализируемые обращения были отобраны по количеству словоупотреблений, а также разделены по семантической составляющей. Всего были проанализированы 344 лексемы. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Частотность употребления обращений в тексте романа «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина

Лексема	Пример употребления в тексте	Частотность (в ед. употребления)
Друг	«Ну, друг! Что скажешь хорошенького? – начинает Порфирий Владимирович» [84, с. 115]	171
Маменька	«Насквозь тебя понимаю, голубчик! Все твои планы-проекты как на ладони вижу!» [84, с. 104]	114
Голубушка	«Вот что, голубушка, принеси-ка ты нам водочки да закусить чего-нибудь!» [84, с. 59]	32
Голубчик	«Володя! – говорит она, – ты, голубчик, легонький! Сходил бы потихоньку да подслушал бы, что у них там?» [84, с. 91]	27

Примечательно, что обращение *голубчик*, применительно к женскому полу, адресуется только матери семейства Головлевых, Арине Петровне: «Маменька! Голубчик! – всполошился он, - а я-то, простофиля, уписываю, – ах, грех какой! Маменька! Закусочки!» [84, с. 97].

На фразеологическом уровне источником эмоционально-экспрессивной насыщенности в тексте выступают языковые афоризмы и устойчивые сочетания. Фразеологическая единица сама по себе несет в своей структуре эмотивный «заряд».

В тексте романа некоторые фразеологические обороты служат характеристикой речи персонажа: фразы *ладком да мирком; любишь кататься – люби и саночки возить; поспешишь – людей насмешишь; спешат-то на пожар, а у нас, слава богу, не горит; тишь да гладь да божья благодать; наставить на путь истинный; бог дал, бог и взял; и то нехорошо, и другое неладно; цари на поклон к нему ездили, принцы в передней дежурили* фигурируют в речи Иудушки, характеризуют его как «пустослова», заполняющего бессмысленность своей речи крылатыми фразами. По замечанию самого автора, «Порфирий Владимирыч разглагольствовал долго, не переставая. Слова бесконечно тянулись одно за другим, как густая слюна ... как это он не захлебнется!» [84, с. 181].

Другие фразеологизмы насыщают текст образностью, делают речь выразительной, яркой. Нередко встречаются экспрессивные фразеологизмы, которые во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Фёдорова отмечены соответствующими пометами: *без мыла в душу влезть* (разг., презр.); *держат язык за зубами* (экспрес.); *наострить лыжи* (прост., шутл.); *ни богу свеча, ни черту кочерга* (разг., пренебр.); *ни ложки, ни ложки* (экспрес.); *сидеть на шее* (прост., экспрес.); *стоять одной ногой в могиле* (экспрес.); *от каменного попа железной просвиры* (прост., ирон.); *брать за бока* (прост., экспрес.); *вертеться на глазах* (разг., экспрес.); *конца краю не видно* (разг., экспрес.); *куска не доедать* (прост., разг.) [100].

Встречаются фразеологизмы, являющиеся устаревшими и больше не употребляющимися в современном русском языке. Для читателя нашего времени их значение необходимо пояснять через специализированный словарь, истолковывающий значение фразеологизма.

Так, например, во фразе «*Аннинька вынула из кармана старенький портмоне и достала оттуда две жёлтеньких бумажки*» [84, с. 261] выражение *желтенькая бумажка* – «доревол., прост., рублевый кредитный билет (по цвету бумаги)» [100, с. 53] становится понятно только благодаря словарю. В предложении «*Последовало минутное молчание. Порфирий Владимирович готов был ризы на себе изодрать*» [84, с. 39] выражение *изодрать на себе ризы*, согласно словарю, имеет пометы *устаревшее, ироническое* и означает чувство крайнего отчаяния, выражение глубокого сожаления.

В некоторых случаях наблюдается авторское переосмысление фразеологизма. Так, например, Арина Петровна называет бурмистра Антона Васильева прозвищем *сума переметная*. Согласно словарю, это – «непостоянный и непоследовательный в своих поступках человек, легко меняющий свои взгляды, убеждения» [100, с. 53]. В контексте сам автор указывает на изменение значения выражения: «*Антон Васильев она прозвала «переметной сумой» не за то, чтоб он в самом деле был когда-*

нибудь замечен в предательстве, а за то, что был слаб на язык» [84, с. 3]. В данном случае происходит изменение семантики фразеологизма с сохранением его лексического состава. Новый смысл словосочетания проясняется через фразеологический контекстуальный синоним *слаб на язык* – «кто-либо не в меру болтлив». Таким образом, выражение *сума переметная* в пределах романа обозначает излишне болтливую, словоохотливую человека.

Встречаются и случаи с противоположной трансформацией – изменяется внешняя форма выражения, в то время как смысловой компонент фразеологизма сохраняет свое исходное значение.

В предложении «*С юных лет сгорала она холопским честолюбием, и во сне и наяву бредила, как бы господам послужить да над своим братом покомандовать – и все неудачно» [84, с. 202],* являющимся описанием характера экономки Улитушки, выражение *бредила во сне и наяву* является измененным фразеологизмом *видеть во сне и наяву*, имеющим значение «постоянно думать о ком-либо или о чем-либо, хотеть чего-то» [100, с. 75]. Исходный глагол *видеть* (в значении представлять, воображать) заменен на *бредить* (быть отчаянно увлеченным, постоянно говорить и/или думать об одном и том же), что дополняет и усиливает сходное значение выражения. Подобным образом лексико-грамматическому изменению узуального компонента на окказиональный подверглись фразеологизмы *бередить язвы* (исходно *бередить рану*), *взять врасплох* (исходно *застать врасплох*) и другие.

Таким образом, язык романа «Господа Головлевы» своеобразен. М. Е. Салтыков-Щедрин активно использует в тексте оценивающие агентивы, лексические повторы, устойчивые языковые выражения, в диалогичных формах для придания народно-разговорного характера употребляются междометия, ироничное, сатирическое отношение к действительности передается при помощи антифразиса.

2.2 Семантические особенности диминутивов в речи жителей дворянской усадьбы

Тексты художественной литературы второй половины XIX века являются интересным и сложным источником для лингвистического анализа с точки зрения истории русского литературного языка и его функционирования в народной речи. Рассмотрение художественного текста как лингвистического источника зачастую ограничено комментированием малопонятных или непонятных для современного читателя слов.

Категория оценки имеет большое значение для выполнения оценочной функции в парадигме «хорошо-нормально-плохо», для такой передачи привлекаются различные языковые средства: интонационные конструкции; пейоративная и мелиоративная лексика; экспрессивная/эмоциональная природа междометий; лексико-грамматическая категория оценочных слов, о которых говорилось выше. В качестве способов создания эмоциональности и оценочности используются аффиксы субъективной оценки [82, с. 26-27].

Интерес к изучению аффиксов, придающих слову уменьшительно-ласкательное значение, не является в языкознании новым. Впервые производные слова, имеющие субъективную оценку, были отмечены еще в XVII веке в «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа: «...надо указать, что Русские пользуются уменьшительными именами не только тогда, когда хотят ласково обратиться к кому-нибудь, как напр., *дружокъ* от *другъ*, но из учтивости они подписывают свои имена в письмах всегда в уменьшительной форме» [62, с. 123].

М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755) посвящает уменьшительным образованиям целую главу «О именах увеличительных и умалительных», в которой разделяет «умалительные» имена на *ласкательные* и *презрительные*, а также условно отмечает их значение, опираясь на эмоциональные оттенки слов [79, с. 98-100].

В трудах исследователей первой половины XIX века диминутивы рассматриваются как феномен формообразования. Так, В. А. Богородицкий, К. С. Аксаков, А. А. Шахматов считают, что субъективная оценка существительных представлена формой одной и той же лексемы, то есть ученые определяют уменьшительные образования как формы производящего существительного. Позднее, в своих трудах Ф. Ф. Фортунатов, А. И. Соболевский, А. А. Потебня уже причисляют уменьшительные дериваты к отдельным словам. В. В. Виноградов определяет диминутивы как срединное, промежуточное явление между формами слова и разными словами, обосновывая такое определение тем, что слово, стоящее в уменьшительно-ласкательной форме, способно стирать значение своего суффикса и переходить в самостоятельную единицу [26, с. 102].

В настоящее время некоторыми лингвистами (А. А. Дементьев, А. М. Родимкина, Л. А. Вакулич и др.) предлагаются различные классификации диминутивов по их значениям и функциям.

В данном исследовании анализ отобранного языкового материала осуществлен с опорой на классификацию В. А. Кузьменковой, которая, с нашей точки зрения, является наиболее подробной и полной. Согласно исследователю, диминутивы разделяются на три большие группы по принципу их функционального назначения, в каждой из них выделяются дополнительные коннотативные смыслы:

– позитивное значение (выражение позитивного отношения к чему-либо; выражение вежливости/любезности; создание дружелюбной/располагающей атмосферы; обращение к детям);

– негативное значение (оценка качеств личности; оценка качеств явления/события/предмета; неодобрение чьих-либо действий/позиций, выражение пренебрежительного, уничижительного отношения к кому или чему-либо);

– нейтральные значения, не имеющие четко выраженной позитивной или негативной модальности (изумление/удивление; раздражение;

оптативность (желательность); страх / боязнь / испуг; смущение / растерянность / неуверенность; мнимая гиперболизация) [53, с. 39-41].

Дополнительно отмечается возможность диминутивов подчеркивать противоположную оценку предметов и личностей (выражается через намеренную лексическую избыточность).

Известно, что заглавие имеет сильную позицию в тексте, заключающую в себе смысл художественного произведения. В исследуемом произведении название имеет непрозрачную семантику. Обращение к толковым словарям позволило определить природу выбора автором фамилии главных героев. Фамилия Головлевых не поддается дословной, прямой расшифровке. В словаре В. И. Даля зафиксированы лексемы, имеющие одну корневую основу с Головлевыми: «*Головничать, головствовать* – быть головою, управлять, начальствовать <...>, *головничество* – уголовное, уголовщина, преступление и пеня за него <...>, *головесить, головестничать* – повестничать, слоняться <...>, *головенька, головешка, головня* – обгорелое, горящее или обугленное полено, дымящийся кусок чего-либо; *головней* называли также хлебную изгарину, где пшеничное зерно в колосе превращается во вредную угольную пыль» [36, с. 367-368].

С помощью приведенных определений возможно построить деривационный ряд, в котором заложена полная сюжетная последовательность романа: господа Головлевы (*головничающие/головствующие*) – начальствующие, управляющие; *головесят/головестничают* – слоняются, бездельничают, совершают *головничества* – преступления, отчего материально и духовно беднеют, оставляя после себя *головешки/головни* – то, что не подлежит восстановлению. Таким образом, уже в названии романа актуализируется оценочный негативный смысл. Необходимо отметить, что приведенные словарные дефиниции зафиксированы только в Словаре В. И. Даля, отражающем современное для XIX века состояние языка.

Диминутивность передает когнитивно-прагматическую сторону языка и соприкасается с категориями экспрессивности и эмотивности. Зачастую диминутивность трактуется как средство концептуализации (процесса, формирующего комплекс когнитивных представлений) и, согласно когнитивному подходу, может представлять собой самостоятельный концепт. Связь между эмоцией и когницией обоснована тем, что «...процессы оформления когнитивного значения слов и эмотивно-оценочной структуры происходят параллельно. Осуществление этого оформления основано на корреляции между когнитивным и эмоционально-оценочным компонентом содержания посредством переключения мыслительных единиц когнитивных структур сознания на их корреляты в прагматических эмоционально-оценочных структурах сознания» [71, с. 360-361].

Отобранные из текста романа существительные с опорой на смысловое содержание фрагментов были разделены на лексико-семантические группы. Необходимо отметить, что диминутивы из каждой группы в зависимости от контекста могут выражать позитивное, негативное и нейтральное значения.

Первая группа – вещественные имена существительные, обозначающие продукты питания. Здесь наблюдается употребление следующих суффиксов: -ик-/-ек- (*огурчик, цыпленочек, горошек*); -к- (*осетринка, рыбка, икорка, капуста, яички, телятинка, говядинка, грибки*); -ец-/-иц- (*сахарец, лимонце, картофелец, хлебец, ромец, соусец, вареньеце, маслице, ржица, водица*); -очк-/-ечк- (*курочка, закусочка, водочка, грибочки, волнушечки, груздочки*); -ц- (*жарковцо*); -чик- (*апельсинчик*); -ок- (*квасок, табачок*).

Одна и та же лексема используется для реализации позитивной или негативной коннотации. Так, позитивное значение, выражающее создание располагающей атмосферы, реализуется при попытке уговорить Анниньку остаться в Головлеве: «У нас здесь всякие грибки есть: и рыжички, и волнушечки, и груздочки, и подосиннички – страсть сколько! – соблазнительно прошамкала Афимьюшка» [84, с. 196]. С другой стороны, во фрагменте прощания Порфирия Владимировича с умирающим братом

Павлом, диминутивы служат для передачи негативного смысла: *«Прощай, друг! Не беспокойся! ... Я, брат, постненького себе к обеду изготовить просил... рыбки соленькой, да грибков, да капустки – так ты уж меня извини! Что? Или опять надоел»* [84, с. 87]. В данном примере диминутивы служат для усиления пренебрежительного отношения: использование уменьшительной формы неуместно, поскольку речь идет о приготовлении поминальной постной еды.

Вторая группа – существительные, обозначающие явления сакральной/духовной сферы: *обеденка, лампадка, лампадочка, панихидка, покойничек, боженька, могилка*. При помощи диминутивов выражается негативное значение, выражающее упрек, осуждение: *«А ты знаешь ли, какой сегодня день? ... Про панихидку-то небось забыл?»* [84, с. 131]; неодобрительное отношение Порфирия Владимировича к умершему сыну Владимиру: *«Да, умер, бог наказал. Бог непокорных детей наказывает. И все-таки я его помню. Он непокорен был, а я его помню. Вот завтра обеденку отстоим и панихидку отслужим. Он меня обидел, а я все-таки свой долг помню»* [84, с. 131], а также нейтральное значение, выражающее понимание: *«Не бог знает что случилось – завтра панихидку отслужишь. И панихидку и обеденку – все справим»* [84, с. 132].

Третья группа – существительные со значением лица: *папенька, маменька, мамашечка, мамашенька, баринушка, детки, детушки, сиротки, племяннушка, соседюшка, дружок, сынок, братец, сестрица, мужичок, муженек, людишки, девки, смотрителишки*. в данной группе диминутивы выражают как однозначное, резко негативное отношение: *«Людишки-вольница, все по кухням да по людским прячутся»* [84, с. 241], так и скрытое: *«...ишь как языком-то вертит! ... ни одного слова-то ведь верного нет! Все-то он лжет! И «милый дружок маменька» ... ничего он этого не чувствует!»* [84, с. 16]. Позитивная коннотация (со значением выражения вежливости) содержится, преимущественно, в речи прислуг: *«Это как будет угодно маменьке, сударь»* [84, с. 34].

Четвертая группа – существительные со значением места, строения, явлений природы. В данной группе суффиксы приносят свое однозначное уменьшительно-ласкательное значение без дополнительной семантики: -ышк-/-юшк-/-ушк- (*гнездышко, деревнюшка, избушка*); -иц-/-ец- (*бездорожица, именице, усадьбица, покосец, заводец, морозец, градец*); -чик- (*сарайчик*); -ик-/-ок- (*дождик, лесок*); -к- (*погодка*); слова с двуступенчатой диминутивностью: -ич- + -ек- (*домичек*).

Пятая группа - существительные со значением предмета: *папироска, запоночки, окошко, простынька, скатертица, рапортчик, четвертачок, ведрышко, свечечка, лучинушка, икапчик, графинчик, сарайчик* не имеют ярко выраженной оценочной модальности.

Шестая группа – имена собственные, которые реализуются одновременно при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов -иньк-, -еньк-, -ушк-, -юшк-, -иш-, -уш-: *Аннинька, Любинька, Володенька, Петенька, Аннушка, Пелагеюшка, Улитушка, Евпраксеюшка, Дуняшка, Илюша, Порфиша, Павлуша* и суффикса -к-, имеющего пренебрежительное значение: *Улитка, Степка, Дуняшка, Польшка, Юлька, Фешка, Агашка*. Следует отметить, что имена с суффиксом -к- до отмены крепостного права были признаком принадлежности к низшему звену в сословной иерархии. В речи дворян диминутивные антропонимы с этим суффиксом обозначают формальное социальное положение: «*Как это я Агашку звать буду? чай, Агафьюшкой...а может, и Агафьей Фёдоровной величать придется!*» [84, с. 63], а также указывают на презрительное, обесценивающее отношение к человеку: «*Почему вы, например, тетеньку Варвару Михайловну в ту пору не остановили? ... Варька да Варька, да подлая да бесстыжая! Чуть не со всей округой ее перевенчали!*» [84, с. 251].

Отдельно следует отметить особенности фигурирования суффикса -ушк- в номинациях главного героя Порфирия Головлева: «*Порфирий Владимырьч известен был в семействе под тремя именами: Иудушки,*

кровопивушки и откровенного мальчика, каковые прозвища еще в детстве были ему даны Степкой-балбесом» [84, с. 12].

Имя собственное было трансформировано автором в семантический неологизм: *Иудушка* – от *Иуда* (библейский апостол, предавший Христа) + суффикс *-ушк-*, в данном случае выражающий уменьшительно-уничижительное значение. В словаре В.И. Даля имя *Иуда* имеет следующее толкование: «обратилось в бранное: предатель, изменник» [37, с. 153]. В современном толковом словаре С.А. Кузнецова приводится дефиниция *Иудушка* – «ханжа, прикрывающий свою жестокость, вероломство потоком дружеских слов; предатель, действующий за маской дружбы, расположения» [17, с. 406], имеющая ярко выраженное прагматическое содержание, что делает номинацию прагмемой. Лексема *Иуда*, дополненная уменьшительно-ласкательным суффиксом с субъективно-оценочным значением, создает противопоставление: негативная семантика дополняется обобщенно-позитивным аффиксом, тем самым характеризует прием иронии. «Сочетание несочетаемого» в данном случае реализует саркастическую усмешку.

Подобный прием контраста используется и в номинации *кровопивушка* (от *кровопийца* «жестокий, безжалостный человек, угнетатель») [17, с. 472]. Отрицательно-оценочное значение создается при помощи нейтрального корня, осложненного негативной семантикой и усиленного уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ушк-*.

Примечательно, что контексте все приведенные лексеммы стоят в одном логическом и синтаксическом ряду, однако, в тексте романа номинация *Иудушка* встречается 351 раз и по своей сути заменяет герою его имя, *кровопивушка* – 3 раза, примеры употребления словосочетания *откровенный мальчик* по отношению к Порфирию Головлеву отсутствуют.

Уменьшительно-ласкательная семантика суффиксов, используемых автором, усиливает аксиологические аспекты положительной или отрицательной интенции говорящего. Используемые в тексте словообразовательные модели отражают идеологию, мировидение писателя,

а также осуществляют прагматическую функцию – передают изначально нейтральными безоценочными средствами эмотивную ироническую, сатирическую или саркастическую оценки.

Основным средством создания словообразовательной оценки в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» являются аффиксы. Самым часто употребляемым способом образования является суффиксация, наиболее развитая среди имен существительных и прилагательных: *паскудные слезинки, чистенькую скатертицу, золотенькие запоночки, маменька, братца, Иудушка, Улитушка*¹.

Тенденция такого закономерного усложнения имен существительных, прилагательных и некоторых имен собственных объясняется особенностями идиостиля автора. В сатирическом слого М. Е. Салтыкова-Щедрина превалирует не повествовательный элемент, а сложная система номинативной отрицательно-характеризующей оценки. Посредством суффиксов субъективной оценки выражается ценностная позиция автора, а также его коммуникативное намерение.

Роль суффиксов в выражении оценки особенное проявление получает в речевом портрете Порфирия Владимировича Головлева и его матери, Арины Петровны. Известно, что образы героев тесно связаны между собой, являются прототипами друг друга, что выражается посредством речи героев. Для более наглядного представления сопоставительные фразы персонажей вынесены в таблицу 2.

¹ «Иудушка так и мелькал перед ее глазами. Вот он идет за гробом, вот отдает брату последнее Иудино лобзание, и две паскудные слезинки вытекли из его глаз. Вот и гроб опустили в землю; «прррощай, брат!» – восклицает Иудушка, подергивая губами, закатывая глаза и стараясь придать своему голосу ноту горести, и вслед за тем обращается вполоборота к Улитушке и говорит: кутью-то, кутью-то не забудьте в дом взять! Да на чистенькую скатертицу поставьте... братца опять в доме помянуть! <...> – А помните, маменька, у брата золотенькие запоночки были... хорошенькие такие, еще он их по праздникам надевал... и куда только эти запоночки девались – ума приложить не могу!» [84, с. 79-80].

Таблица 2 – Сопоставительные фразы персонажей в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина

Арина Петровна	Порфирий Владимирович
«Одет ты и сыт – слава богу! И теплехонько тебе, и хорошихонько... чего бы, кажется, искать!» [84, с. 55]	«Кому темненько да холоденько, а нам и светлехонько, и теплехонько» [84, с. 121]
«Одну дочку бог взял – двух дал!» [84, с. 11]	«Вот одного Володьку бог взял – другого Володьку дал!» [84, с. 215]
«Вот видишь, ты и молчишь, – продолжала Арина Петровна, – стало быть, сам чувствуешь, что блохи за тобой есть» [84, с. 36]	«Ой, много было за покойницей блох» [84, с. 239]
«А я... удалюсь с Аннушкиными сиротками к чудотворцу и заживу у него под крылышком» [84, с. 66]	«Уеду отсюда к Троице-Сергию, укроюсь под крылышко угоднику – никто и не услышит меня» [84, с. 178]
«Куплю себе домичек, огородец вскопаю; капустки, картофельцу – всего у меня довольно будет» [84, с. 67]	«Сидим да чаек попиваем. И с сахарцем, и со сливочками, и с лимонцем. А захотим с ромцом, и с ромцом будем пить» [84, с. 122]

Наибольшее количество употреблений уменьшительно-ласкательных суффиксов аккумуляровано в речевом портрете Иудушки: «По-моему, поголовлевски... как я люблю! Сосочка чтобы чистенькая, рожочек... рубашиночек, простынек, свивальничков, пеленочек, одеяльцев – всего чтобы вдоволь было!» [84, с. 224]. Нарочитый повтор производных с диминутивными суффиксами в пространстве текста создает условия для комического прочтения текста и иронического восприятия содержания читателем.

Таким образом, в речи жителей дворянской усадьбы использование диминутивных существительных призвано выражать позитивные коннотации со значением вежливого отношения, создавать располагающую атмосферу, выражать собственно уменьшительно-ласкательное значение, а также негативные коннотации, которые реализуются в передаче пренебрежительного, уничижительного отношения, проявлении осуждения или упрека, обозначения социального положения.

2.3 Функции оценочных значений лексем в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина

Художественное произведение является единым целостным организмом, каждая эмоционально-оценочная лексема в его составе несет определенный семантический «заряд», составляет основу художественного значения речевой единицы и отображает образную структуру всего текста.

Современными исследователями язык художественной литературы «признается лингвостилистической системой синтезированного характера, имеющей свои законы функционирования и образования единиц, предназначенных создать эмоциональность, экспрессивность, образность как признаки художественного текста...» [55, с. 36].

Исследование текста художественной литературы является наиболее сложным: «Любой текст, в том числе и художественный, являясь, с одной стороны, самодостаточным объектом, объектом материальной культуры, с другой стороны связан неразрывными узами с личностью его создателя, со временем и местом написания, с конкретной ситуацией, вызвавшей то или иное литературное произведение» [8, с. 31]. Анализ такого рода текстов должен быть особо скрупулезным, поскольку лингвистическая содержательность наряду с основным литературным языком во многом отражает (частью или элементами) и другие лингвистические образования, такие как: индивидуально-авторская речь, проявления локальной речи; диалектные, стилистические проявления и проч.

Язык художественного текста существует по собственным правилам, которые отличаются от жизни живого языка, «он имеет особые механизмы возникновения художественных смыслов» [2, с. 28]. Любая лексическая единица в литературном произведении приобретает новую коннотацию и получает индивидуально-художественные семантические приращения, которые зачастую отличаются от традиционного значения, закрепленного в словаре. Поэтому при анализе эмоционально-оценочных слов в контексте

произведений следует разграничивать речевую (то есть контекстуальную, ситуативную и индивидуально-авторскую) и языковую (закрепленную словарно) оценочность.

Эмоционально-оценочная структура произведения синтезируется в двух плоскостях – на уровне автора и на уровне персонажа: «Центром каждой ситуации является субъект оценки – автор, персонаж, читатель. Далее устанавливается связь «субъект – объект(ы) оценки». Количество субъектов и объектов оценки зависит от сюжетной и концептуальной сложности произведения» [2, с. 14].

Таким образом, язык художественного произведения имеет расщепленную коммуникативную рамку (то есть характеризуется наличием внешнего и внутреннего автора) и предшествование тексту контексту (по Р. Якобсону – внеязыковому миру). Художественное мышление проявляется в особых текстовых структурах и в особом художественном языке, который коцептуализирует языковую картину мира писателя.

В романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина широко употребляется оценочная лексика, которая в своей семантической структуре содержит эмоциональный компонент. Анализ отобранных лексем показал, что экспрессивно-оценочная лексика выполняет в романе определенные функции.

– Выражение положительных эмоций и чувств: посредством лексем с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *дождичек, лесок, вареньице, маслице* и других.

Посредством передачи когнитивно-слабой, косвенной положительной оценки: «*Нет, грех сказать, хорошо, даже очень хорошо Улитка блины печет! Легкие, мягкие – ай, поешь!*» [84, с. 172]. В данном примере позитивная оценка создается за счет оценивающего наречия *хорошо*, усиленного наречным выражением *очень хорошо*, которое показывает интенсивность качества и субъективное отношение говорящего. Прилагательные *легкие, мягкие* с положительной коннотацией в сочетании с повелительным глаголом *поешь* выражают позитивную оценку умениям прислуги Улитки.

– Выражение негативных оценок и реакций:

«А правда ли, Порфирий Владимирович мне сказывали: будто бы актрис чужие мужчины завсе за талию держат? Аннинька на минуту вспыхнула. – Порфирий Владимирович не понимает, – ответила она раздражительно, – оттого и несет чепуху» [84, с. 183]: *чепуха* – «о высказывании, суждении, не заслуживающем внимания, не имеющем значения. Выражает резкую оценку чего-л. как несущественного, бесполезного, ненужного» [17, с. 1471].

«Убить тебя надо! – постоянно твердила ему Арина Петровна, – убью – и не отвечу! И царь меня не накажет за это» [84, с. 9]; «Если ты, девка распутная, еще когда-нибудь... в кабинет ко мне... Убью!» [84, с. 247] (*убить* – лишить жизни, умертвить). Обе фразы содержат прямую и безусловную угрозу. В первом случае угроза характеризуется частым повторением (*постоянно твердила*) подкрепляется уверенностью в безнаказанности – «и не отвечу!», «царь меня не накажет». Во втором случае угроза реализуется, если адресат обращения, именуемый уничижительно *распутная девка*, или, как известно из контекста, Аннинька совершит определенное действие – то есть пойдет в кабинет к Порфирию Владимировичу.

Намерение «убить» встречается в тексте романа дважды – впервые от Арины Петровны в первой главе «Семейный суд», второй раз высказывание произносит Порфирий Владимирович, что еще раз подтверждает речевую схожесть персонажей, о которой говорилось выше.

– Гиперболизация ситуации/состояния/признака предмета/действия: «Да, дружище, деньжищ у нее – целая прорва, а для меня пятака медного жаль» [84, с. 21]: гиперболизация реализуется при помощи противопоставления выражений *целая прорва* («очень большое количество, множество чего-л.» [17, с. 1022]) и *медного пятака жаль* (пятикопеечная монета, самая маленькая среди монет в денежной российской системе XIX века). В приведенном предложении данные выражения становятся контекстуальными антонимами.

«А она – посмотри, какую чертову пропасть она накупила» [84, с. 22] (*чертова пропасть* – «экспрес. Очень много, несметное количество» [100, с. 539]). Имеется ввиду все материальное имущество, приобретенное Ариной Петровной за время владения Головлевым, которое, конечно, поддается счету и описи, что делает выражение гиперболизированным.

– Собственно оценочная характеристика людей/ситуаций, например: «Ступай...потатчик!» [84, с. 6] (*потатчик* – «неодобр.; тот, кто потекает кому-либо в чем-либо или чему-либо» [17, с. 940]);

«Так без родительского благословения, как собаки, и повенчались» [84, с. 11], лексема «*собаки*» здесь выражает свое прямое словарное значение («домашнее животное семейства псовых»), однако за счет контекста приобретает негативную семантику со значением уподобления людей собакам, животным, не имеющим понимания о моральных и духовных качествах;

«Как жила твоя сестрица беспутно, так и умерла, подкинув мне на шею двух своих щенков...» [84, с. 11]. Лексемой *беспутно* Арина Петровна оценивающе характеризует образ жизни своей дочери, Анны Владимировны Улановой, как разгульный и развратный, также оценивая и ее смерть. Лексема *щенки* в данном контексте является перифразой со значением *дети*, в словаре С.А. Кузнецова имеет помету «грубо» [17, с. 1510];

«А братья будут богаты, особливо Кровопивушка. Этот без мыла в душу влезет. А впрочем, он ее, старую ведьму, со временем порешит; он и именье и капитал из нее высосет – я на эти дела провидец! Вот Павел-брат – тот душа-человек!» [84, с. 22]. В данном примере контекст отражает конкретный аспект несоответствия объекта оценки норме. Отрицательная и положительная оценка сталкиваются в контексте посредством выражения цепочки мнений *кровопивушка – старая ведьма – я провидец – душа человек*. О характере номинации *кровопивушка* речь шла в исследовании выше, однако необходимо упомянуть, что сама лексема имеет отрицательную семантику и рассмотрена по принципу «сочетания несочетаемого» (слово одновременно

содержит уменьшительно-ласкательный суффикс и негативное значение). Негативно оценочное выражение *старая ведьма* (или злая, безобразная женщина) имеет словарную помету «бранное» [17, с. 115]; в контексте является перифразой слова *мать*. Положительная оценка выражается лексемами *провидец* в значении «книжн. тот, кто может провидеть, ясновидец» [17, с. 1001] и *душа-человек*, в значении «человек, имеющий определенные положительные свойства характера» [17, с. 290].

– Эмоциональное воздействие на адресата речи, например:

«*Ежели ты сюда пакостничать, мерзавец, приехал, так я тебя велю с лестницы сбросить*» – произнес Иудушка каким-то бесконечно злым голосом» [84, с. 136]. Высказывание произносится Иудушкой в адрес своего сына Петра, приехавшего в Головлево просить у отца помощи. Помимо оценки гипотетических действий сына – *приехал пакостничать* («делать пакости – нечто мерзкое, отвратительное, гадость» [17, с. 775]) и выражения негативной номинации в его адрес посредством обращения *мерзавец* («мерзкий, подлый человек, негодяй» [17, с. 534]), выражается намерение в форме угрозы *я тебя велю с лестницы сбросить*, которое содержит возможные негативные последствия для адресата. Выражение *сбросить с лестницы* является трансформированным фразеологизмом *спустить с лестницы*. Лексический узуальный компонент *спустить* («переместить сверху вниз») заменен на динамичный глагол *сбросить* (бросить вниз с чего-л.), который в контексте наделяется экспрессией;

«*А бабенька что скажет? Скажет: вот так внучка! Приехала, попрыгала, и даже благословиться у меня не захотела*» [84, с. 186]. Нейтральное слово *попрыгать* (совершать прыжки некоторое время) в тексте романа приобретает переносное значение *беспечно проводить время, действовать бездумно*. Значение усиливается за счет контекста: фраза произносится Порфирием Владимировичем в адрес Анниньки, приехавшей в Головлево после смерти бабушки, Арины Петровны. Высказывание

представляет собой определенную манипулятивную интенцию Иудушки – попытку уговорить племянницу остаться в Головлеве.

– Побуждение адресата речи к определенному действию, например:

«*Что тебе от меня, негодяй, нужно... Сказывай!*» [84, с. 144]; «*Вот-вот! Ты уж и раскипятилась! А ты дело говори*» [84, с. 169].

Высказывания в данной категории построены по одной модели: лексическое выражение негативной субъективной + глагол в повелительном наклонении: *негодяй* – «подлый, низкий человек» [17, с. 617]; *раскипятиться* – начать горячиться, волноваться сердиться [17, с. 429].

– Создание автопортрета/ самохарактеристика адресанта речи, например:

«*Я когда у бабушки жила, тощая-претощая была. А теперь – ишь какая! Печь-печью сделалась!*» [84, с. 183]. Оценочность реализуется за счет редупликации, удвоения основы с прибавлением префикса *-пре-*, выражающего предельную степень качества (*тощая-претощая* – истощенная, исхудалая). Усиливается оценочный компонент противопоставлением выражений *тощая-претощая* – *печь-печью* («кто-либо или что-либо отличается крупными габаритами, большим объемом, массивность» [100, с. 469]), отражающими крайнюю меру проявления внешнего вида человека: истощенный-массивный;

«*Как я могу гордиться! Что я такое! Червь! Козявка! Тьфу!*» [84, с. 255]. При употреблении слов в отношении человека, внешне безоценочные лексемы *червь* (беспозвоночное животное с длинным телом), *козявка* (букашка), *тьфу* (междометие, передающее звук плевка) обретают эмоциональную составляющую и негативную коннотацию: *червь* – «жалкий, ничтожный человек (обычно униженно угождающий кому -либо)» [17, с. 1471]; *козявка* – «очень мелкий, незначительный человек» [17, с. 438]; *тьфу* – «выражает незначительность, ничтожность кого-либо» [17, с. 1356].

Таким образом, экспрессивно-оценочные языковые средства являются неотъемлемым стилистическим приемом в романе «Господа Головлевы».

Широкое употребление пейоративных языковых оценок связано с наличием у них эмоционально-экспрессивных значений, посредством которых выполняются функции гиперболизации, выражения непосредственно характеристики события, человека или предмета, создание автопортрета адресанта, воздействие на адресата речи и побуждение его к определенному действию.

Выводы по второй главе.

Язык романа «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина отличается выразительностью и самобытностью. Язык произведения характеризуется ярко выраженной авторской индивидуальностью и мастерским использованием разнообразным стилистических приемов. Оценочная лексика, включающая в себя положительные и отрицательные коннотации, играет ключевую роль в создании системы персонажей и их речевых портретов, выражении авторского отношения к изображаемой действительности.

Употребление диминутивных форм слова в речи выполняет широкий спектр функций. В зависимости от контекста, диминутивы в романе выражают положительные эмоции и демонстрируют проявление пренебрежения и осуждения. Пейоративная лексика с набором эмоционально-экспрессивных оттенков используется для создания сатирического эффекта, гиперболизации негативных черт персонажей и их действий, а также для воздействия на читателя и формирования его отношения к происходящему.

Широкое использование пейоративной оценочной лексики подчеркивает сатирический характер языка произведения и передает критическое отношение автора к изображаемой действительности. Специфическим приемом для слога писателя является выражение оценочных значений не только суффиксами субъективной оценки, но и внешне безоценочными лексемами.

Заключение

Вопрос лингвистического толкования художественного текста в отечественном языкознании актуален уже более 100 лет. Художественная литература влияет на формирование эмоциональной картины мира, так как представляет собой депозитарий человеческих эмоций и оценок и через категориальные ситуации моделирует эмоционально-оценочный опыт одного человека, общества, этноса и народа. Целью комплексной методики анализа художественного текста является распознавание языковых средств, отражающих идею автора, его индивидуальное представление о мире и шире – функционирование языковых единиц в эпоху написания произведения. Лингвистическое толкование художественного текста базируется на его целостности, на единстве всех категорий и форм, на общности всех языковых структур, из которых состоит произведение.

В настоящее время художественный текст рассматривается в рамках лингвистической экспертной практики. Художественный текст рассматривается на предмет выявления признаков экстремизма, а также на установление признаков унижения чести, достоинства и деловой репутации. Методика проведения подобных лингвистических экспертиз основана на выявлении семантической структуры, которая содержит информацию о предмете речи, ценностном отношении к нему, а также о цели высказывания.

Изобразительные возможности языка, используемые автором, являются инструментом, при помощи которого становится возможным определить образную систему автора и замысел произведения. Анализ речевых средств, используемых для отражения художественного пространства, транслирует индивидуальность автора. Комплексный анализ речевой организации литературного текста тесно связан с рассмотрением произведения в качестве лингвоисторического источника, транслирующего языковые и культурные реалии прошлого.

В романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина активно функционирует эмоционально-экспрессивная лексика. Эмоционально-смысловая структура произведения создается путем слияния книжных речевых форм с отражениями живого говорения. При помощи эмотивных языковых единиц автор отражает социальные коннотации текста и передает сатирическое разоблачение персонажей.

Специфика языковой картины мира М. Е. Салтыкова-Щедрина заключается во взаимосвязи лексических, фразеологических, словообразовательных средств выражения эмотивно-оценочных значений в негативном или (реже) позитивном проявлении. В качестве таких средств автор использует: оценочные прямые и непрямы агентивы с пейоративной семантикой; оценки-сублиматы, в семантической структуре которых заложены исходные коннотации осмеяния, унижения и открытой неприязни; формальная и смысловая избыточность с целью эмоционального усиления контекста и придания ему сатирической направленности создается за счет лексического повтора, оценочных экспрессивных глаголов и междометий. Междометия в тексте выполняют следующие функции: транслируют состояние говорящего, создают эффект живой речи и подчеркивают иронический подтекст. Среди отобранных и проанализированных междометий выделяются следующие семантические группы: ситуационно-оценочные; этикетные, звукоподражательные и модальные (волеизъявительные).

Важную роль в романе играют обращения, отражающие одновременно и мотив, и цель говорящего. Обращение выступает одновременно и оценкой, по характеру и семантике которой можно судить не только объекта, но и субъекта речи, и способом определения мировоззренческих парадигм персонажей и самого автора произведения. Оценка проявляется также посредством фразеологизмов, которые в словаре имеют пометы *экспрессивное, неодобрительное, презрительное, пренебрежительное, бранное, грубое*. Фразеологизмы в романе используются в трех вариациях:

в своем исходном, словарно закрепленном значении и лексико-грамматическом составе; с сохраненным лексическим составом, но измененным смысловым и семантическим значением; в полностью трансформированном виде – с измененным внешним лексическим строем и новым значением. Совокупность используемых автором средств выражения позволяет утверждать, что в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина основной функцией эмоционально-оценочной лексики является характеризующая функция.

Роман «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина изобилует диминутивами, которые выступают доминантами текста и позволяют передать русское мировидение, отразить нравственные и этические идеалы русского человека, особенности русского характера. Диминутивы в романе отражают когнитивно-прагматическую направленность высказывания и соприкасаются с экспрессивно-оценочной лексикой. Диминутивы в тексте функционируют в пределах следующих тематических групп: продукты питания, сакральная сфера, лицо, место, предмет, имя собственное. Уменьшительно-ласкательная семантика суффиксов, используемых автором, усиливает аксиологические аспекты положительной или отрицательной интенции говорящего. При помощи диминутивных форм слова автор передает изначально нейтральными безоценочными средствами эмотивную ироническую, сатирическую или саркастическую оценки.

Основным средством создания словообразовательной оценки в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» являются аффиксы. Самым часто употребляемым способом образования является суффиксация, наиболее развитая среди имен существительных и прилагательных. В сатирическом идиостиле автора доминирует не повествовательный элемент, а номинативная негативно характеризующая оценка. Посредством суффиксов субъективной оценки выражается ценностная позиция автора. Роль суффиксов в выражении оценки особенное проявление получает в речевом портрете Порфирия Владимировича Головлева и его матери, Арины Петровны. Наибольшее

количество употреблений уменьшительно-ласкательных суффиксов содержится в речевом портрете Порфирия Владимировича.

Согласно данным исследования, экспрессивно-оценочная лексика в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина выполняет следующие функции: выражает положительные эмоции посредством лексем с уменьшительно-ласкательными суффиксами и лексем с положительной семантикой; выражает негативные оценки и реакции; реализует функцию передачи угрозы в адрес субъекта речи (угроза как компонент речевой характеристики присутствует только в речи Арины Петровны и Порфирия Владимировича); передает гиперболизацию ситуации, состояния или признака; собственно дает оценку ситуациям, людям, предметам, действиям; используется для эмоционального воздействия на адресата речи, в качестве манипуляции для реализации интенции говорящего; в качестве побуждения адресата к определенному действию; используется в роли самохарактеристики, для создания автопортрета.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Т 1. Москва : Издательство «Юрайт», 2025. 420 с.
2. Али Наджа Хасан. Оценочные номинации персонажа в художественной прозе А. П. Чехова : автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 23 с.
3. Али Наджа Хасан. Семантическая характеристика оценочной лексики, именующей персонажей, в художественных произведениях А. П. Чехова // Вестник Волжского ун-та имени В. Н. Татищева. № 1. 2018. С. 53-57.
4. Анализ художественного текста. Сборник статей. Москва : Педагогика, 1975. 120 с.
5. Антипов Г. А. Текст как явление культуры. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1989. 197 с.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. Москва : УРСС, 1966. 569 с.
8. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
9. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Москва : Флинта : Наука, 2005. 496 с.
10. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика: учебное пособие. Москва : Флинта: Наука, 2007. 592 с.
11. Бахвалова Т. В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности. Орел : Орл. гос. пед. ун-т., 1996. 240 с.
12. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Собр. соч.: в 7 т.; Т. 5. Москва : Русское слово, 1996. 731 с.
13. Белова Н. Н. Семантика оценки в именах прилагательных : автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Москва, 2011. 44 с.

14. Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение. Москва : Наука, 1983. 272 с.
15. Блинова О. И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии : Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1983. С. 3-11.
16. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. Москва : Флинта, 2016. 520 с.
17. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.
18. Будагов Р. А. История слов в истории общества. Москва : Просвещение, 1971. 270 с.
19. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев : Рад. школа, 1958. 488 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006760224/?ysclid=m9vhp80j2r909685814 (дата обращения 23.04.2025).
20. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев : Изд-во КГУ им. Т. Г. Шевченко, 1957. 492 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV1069927/?ysclid=m9vhrfvvzu291597661 (дата обращения 23.04.2025).
21. Бушмин А. С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. Москва : Современник, 1976. 253 с.
22. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Экспертный лингвистический анализ спорного текста : учеб. метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 148 с.
23. Виноградов В. В. О теории художественной речи. Москва : Высшая школа, 1971. 240 с.
24. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. Москва : Гослитиздат, 1959. 654 с.

25. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. Москва : Гослитиздат, 1961. 613 с.
26. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов. Москва : Высш. шк., 1986. 640 с.
27. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва : Изд-во АНН СССР, 1963. 259 с.
28. Виноградов В. В. Сюжет и стиль: Сравнительно-историческое исследование. Москва : Изд-во АНН СССР, 1963. 192 с.
29. Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII-XIX вв. // Избр. Труды. История русского литературного языка. Москва : Наука, 1978. 320 с.
30. Винокур Г. О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. Москва : Наука, 1990. 455 с.
31. Винокур Г. О. Об изучении языка художественных произведений // О языке художественной литературы. Москва : Высш. шк., 1991. С. 32-63.
32. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск : Изд-й дом «Удмуртский университет», 2006. 252 с.
33. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Художественный текст как культурно-исторический феномен. Теория и практика. Москва : Флинта: Наука, 2002. 184 с.
34. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : КомКнига, 2007. 144 с.
35. Головня М. В. Средства выражения оценки в поэтическом языке А. Т. Твардовского : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 25 с.
36. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т.; Кн. 1: А-З. Москва : Русский язык, 1989. 699 с.
37. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т.; Кн. 2: И-О. Москва : Русский язык, 1989. 784 с.

38. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). Москва : Эдиториал УРСС, 2011. 328 с.
39. Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. Москва : Изд-во МГУ, 1953. 494 с.
40. Жельвис В. И. «Грубость»: проблемы классификации лексики // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 109-113.
41. Жусубалиева М. Т., Бусурманкул М. Своеобразие языка и стиля произведений Н. В. Гоголя // Теория и практика современной науки. 2021. № 2 (68). С. 50-55.
42. Загоровская О. В. Образный компонент в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: сб. науч. трудов. Воронеж, 1983. С. 16-18.
43. Иваненко Г. С. Судебная лингвистическая экспертиза : специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме // Вестник КГУ, 2014. № 6. С. 200-203.
44. Измestьева И. А. Язык «бессердечной литературы» для детей // Славянская культура : истоки, традиции, взаимодействие. Москва : Гос. институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. С. 130-136.
45. Каракчиева В. Л. Лексические средства обозначения эмоций в художественном тексте (на материале рассказов В. М. Шукшина) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000. 24 с.
46. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. Москва : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
47. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. Москва : Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.
48. Кольцова Л. М., Швецова О. А. Лингвистический анализ художественного текста: теория, практика, интерпретация. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. 100 с.

49. Корниенко Е. Р. Текст сквозь призму философии М. М. Бахтина // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 128-133.
50. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Москва : Наука, 1980. 297 с.
51. Кошман Л. В., Дергачева Л. Д. Очерки русской культуры XIX в. Том 5. Москва : Изд-во Московского университета, 2005. 640 с.
52. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. Москва : Изд-во Эксмо, 2006. 944 с.
53. Кузьменкова В. А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов // Язык. Сознание. Коммуникация. Т. 34. Москва : МАКС ПРЕСС, 2007. С. 38-44.
54. Купина Н. А. Лингвистический анализ художественного текста. Москва : Просвещение, 1980. 78 с.
55. Леденева В. В. Идиостиль // Филологические науки, 2000. № 1. С. 36-40.
56. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Отв. ред. Ф. П. Филин. АН СССР. Институт русского языка. Москва : Наука, 1981. 359 с.
57. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. Москва, 1979. С. 18-36. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005496951/?ysclid=m9vhuh4yq6861667105 (дата обращения 23.04.2025).
58. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. Москва : Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
59. Лисина Л. А. Художественный текст как объект лингвоисторического комментирования : На материале произведений И. С. Тургенева : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006. 25 с.
60. Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк. Москва ; Ленинград : Наука, 1964. 106 с.

61. Лотман Ю. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург : Азбука, 2021. 832 с.
62. Лудольф В. Г. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 / под ред. Б. А. Ларина. Ленинград : Ленингр. науч.-иссл. ин-т языкознания, 1937. 167 с.
URL:
https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005167969/?ysclid=m9vhmswjoh470186939 (дата обращения 23.04.2025).
63. Лукин В. А. Художественный текст : Основы лингвистической теории и элементы анализа. Москва : Издательство «Ось-89», 1999. 192 с.
64. Лукьянова Н. А. О термине экспрессив и о функциях экспрессивов русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 9. Новосибирск: НГУ, 1980. С. 3-22.
65. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Вопросы семантики. Новосибирск, 1986. 228 с.
66. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Аксиологическая природа смеха в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник МГУП, 2015. №4. С. 71-76.
67. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. Москва : Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 297 с.
68. Марченко С. В. Категория эмотивности и экспрессивности в повестях и рассказах И. С. Тургенева 1871-1882 г.г. : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2001. 20 с.
69. Матвеева О. Н. Художественный текст как объект лингвистической экспертизы // Юрислингвистика, 2007. №8. С. 370-377.
70. Муравьев В. Л. О языковых лакунах // Иностраный язык в школе. № 1. 1971. С. 31-39.
71. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
72. Николина Н. А. Филологический анализ текста. Москва : Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

73. Новиков Л. А. Лингвистическое толкование художественного текста. Москва : Русский язык, 1979. 256 с.
74. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
75. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Москва : АЗЪ, 1995. 928 с.
76. Ольминский М. С. М. Е. Салтыков-Щедрин. Москва, 1919. 43 с.
77. Плотникова А. М. Лингвистическая экспертиза художественного текста по делам о противодействии экстремизму // Теория и практика судебной экспертизы, 2014. С. 18-21.
78. Полякова Т. А. Поэтика романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» : Система символов и мотивов : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2002. 15 с.
79. Российская грамматика М. Ломоносова. Санкт-Петербург, 1755. Факсимильное издание. Москва, 1982. 354 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001142537/?ysclid=m9vhwuk5pm555967932 (дата обращения 23.04.2025).
80. Рябцев Ю. С. История русской культуры : Художественная жизнь и быт XVII – XIX вв. Москва : ВЛАДОС, 1997. 432 С.
81. Рябцев Ю. С. Хрестоматия по истории русской культуры: Художественная жизнь и быт XVIII – XIX вв. Москва : ВЛАДОС, 1998. 648 с.
82. Саввина Ю. В. Средства выражения оценочных значений в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 27 с.
83. Савина А. П. Прагмема как единица оценочной лексики // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Москва, 2014. С. 29-39.
84. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы. Ярославль : Верх-Волж. кн. изд., 1979. 303 с.
85. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук : т. 1-4. Санкт-Петербург, 1847. URL:

https://archive.org/details/B-001-004-147/dict1847_A-Zhuch/ (дата обращения 23.04.2025)

86. Слюсарева Н. А. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. Москва : Наука, 1982. 191 с.

87. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. Москва : Советская энциклопедия, 1987. 1619 с.

88. Сорокин Ю. А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур // Национально-культурная специфика речевого поведения. Москва : Наука, 1977. С. 120-136.

89. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Проблема понимания «чужой» культуры и способы устранения лакун в тексте // Русское слово в лингвострановедческом аспекте. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1987. С. 160-169.

90. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. Москва ; Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1965. 565 с.

91. Стаценко А. С. Эмоционально-оценочная лексика как средство реализации речевой интенции. Москва : МПГУ, 2011. 118 с.

92. Стернин И. А. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. Ярославль, 2013. 35 с.

93. Стернин И. А. Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста // Вестник КемГУ, 2017. № 1. С. 202-207.

94. Телия В. Н. Экспрессивность // Русский язык. Москва : Большая Российская Энциклопедия ; Дрофа, 1997. С. 637-638.

95. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс : когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1999. 166 с.

96. Троцюк С. Н. Художественный текст как объект лингвистического анализа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 7. 2021. С. 208-213.

97. Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи : автореф. дисс. ...док. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 40 с.

98. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Ленинград, 1924. 139 с. URL: https://archive.org/details/B-001-004-147/dict1847_A-Zhuch/ (дата обращения 23.04.2025).

99. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. Москва : Флинта, 2022. 272 с.

100. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва : Астрель, 2008. 878 с.

101. Филиппова С. И. Экспрессивно-деятельностные функции субстантивного словообразования в языке В. Шукшина: Эмоционально-оценочная суффиксация : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1997. 29 с.

102. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Москва : Русский язык, 2002. 216 с.

103. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе, 1976. № 3. С. 66-71.

104. Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста. Москва : Флинта, 2019. 416 с.

105. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Москва : Издательство «ЛКИ», 2008. 204 с.

106. Шаховский В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Рязань, 1975. Вып. 2. С. 53-67.

107. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.

108. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. Москва : Наука, 1977. 168 с.
109. Щеглова Е. А. Лексическое своеобразие художественного произведения: к вопросу о методике анализа (на примере очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада») // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 442. С. 61-68.
110. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. Москва : Учпедгиз, 1957. 188 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006497341/?ysclid=m9vhzk0mmt39493147 (дата обращения 23.04.2025).
111. Holiday M. A. Linguistic Studies of Text and Discourse. London, 2002. 150 p.
112. Joseph J. E. Why Does Language Complexity Resist Measurement? // Frontiers in Communication. 2021. Vol. 6.
113. Lafta A. H. A model of holistic linguistic approach analysis of a literature text // The sustainable development and scientific research. Beirut, 2023. Pp 742-754.
114. L'Homme M. C. Managing polysemy in terminological resources // Terminology. International journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication. Montreal, 2023. Pp 139-168.
115. Yang Y., Luan L., Simon de D., Bing L., Jing W., Qing C. Unraveling lexical semantics in the brain: Comparing internal, external, and hybrid language models // Wiley. Hum Brain Mapp, 2024. Pp 360-385.